В номере:

Доходы и расходы населения
Дальнего Востока в 2016 году

Тихоокеанская Арктика в свете доклада
исследователей Университета штата Аляска

Статистика технологических инноваций
в России в региональном разрезе

Регионалистика

2017 Том 4 № 4

Электронный научный журнал

regionalistica.org

ISSN 2313-0881

Периодичность выхода:

шесть номеров в год

Учредитель:

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт экономических
исследований
Дальневосточного отделения
Российской академии наук
(Хабаровск)

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
11 марта 2014 г.
Свидетельство Эл № ФС77-57151

Авторы несут полную
ответственность за подбор
и изложение фактов, содержащихся
в опубликованных материалах.
Высказываемые авторами взгляды
могут не отражать точку зрения
редакции.
Перепечатка материалов журнала
допускается только по согласованию
с редакцией

Адрес редакции:

680042, Хабаровск,

ул. Тихоокеанская, 153

Телефон: +7 (4212) 725-225

E-mail: regionalistica@ecrin.ru

Дизайн: В.Н. Украинский

Вёрстка: В.В. Червонцева

**Выпускающие редакторы
номера:** С.Н. Леонов,
В.Н. Украинский

В оформлении обложки использована
карта Петра Планциуса (1594)

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт экономических исследований Дальневосточного отделения
Российской академии наук, 2017

Редакционная коллегия

Главный редактор: А.Н. Демьяненко,
д-р геогр. наук, профессор

д-р геогр. наук А.В. Мошков (Владивосток, Россия)

д-р экон. наук С.Н. Найденов (Хабаровск, Россия)

д-р экон. наук О.М. Прокапало (заместитель главного
редактора, Хабаровск, Россия)

д-р экон. наук Ю.Д. Шмидт (Владивосток, Россия)

проф. Цунео Акаха (Монтерей, США)

проф. Винсент Ф. Галлуччи (Сиэтл, США)

канд. экон. наук А.П. Горюнов (Хабаровск, Россия)

канд. полит. наук А.А. Киреев (Владивосток, Россия)

Л.А. Самохина (Хабаровск, Россия)

канд. экон. наук В.Н. Украинский (ответственный
секретарь, Хабаровск, Россия)

Редакционный совет

Председатель: П.А. Минакир,
академик РАН

чл.-корр. РАН В.А. Крюков (Новосибирск, Россия)

чл.-корр. РАН В.Н. Лаженцев (Сыктывкар, Россия)

чл.-корр. РАН В.И. Сулов (Новосибирск, Россия)

д-р экон. наук С.Д. Валентей (Москва, Россия)

д-р экон. наук Н.В. Гальцева (Магадан, Россия)

д-р экон. наук С.В. Кузнецов (Санкт-Петербург, Россия)

д-р экон. наук Ю.Г. Лаврикова (Екатеринбург, Россия)

д-р экон. наук А.В. Островский (Москва, Россия)

д-р геогр. наук А.И. Трейвиш (Москва, Россия)

д-р экон. наук А.Н. Швецов (Москва, Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

Найден С.Н.

Мониторинг доходов и расходов населения Дальнего Востока: итоги 2016 года5

Краснопольский Б.Х.

Тихоокеанская Арктика: современное состояние и возможные направления развития29

Домнич Е.Л.

Проблемы экономико-статистического анализа технологических инноваций в России40

Сухомиров Г.И.

Развитие сельского хозяйства ДФО в условиях санкций и экономического кризиса56

Рябцев А.В., Черникова Е.А.

Оценка социальной эффективности деятельности военизированных
организаций гражданского назначения (на примере ГИБДД Хабаровского края)67

ХРОНИКА НАУЧНЫХ СОБЫТИЙ →

Юсупов В.Р.

Некоторые размышления об итогах III Всероссийской конференции
«Демографическое развитие Дальнего Востока» и не только74

CONTENTS

Naiden S.N.

Monitoring of Incomes and Expenses of the Population of Russian Far East: Results of 20165

Krasnopolski B.Kh.

Pacific Arctic: Current Situation and Possible Directions of Development29

Domnich Ye.L.

Issues of Economical and Statistical Analysis of Technological Innovations in Russia40

Sukhomirov G.I.

Development of Agriculture of Far Eastern Federal District in Conditions
of Sanctions and Economic Crisis56

Ryabtsev A.V., Chernikova E.A.

Evaluation of Social Effectiveness of Activities in Paramilitary Organizations
of Civil Appointment (on the Example of State Traffic Safety Inspectorate
of Khabarovsk Territory)67

SCIENTIFIC CHRONICLE →

Yusupov V.R.

Some Reflections on the Results of III All-Russian Conference
«Demographic Development of Far East» and Something Other74

**НАЙДЕН
Светлана
Николаевна**

Доктор экономических наук,
профессор РАН, главный
научный сотрудник

Институт экономических
исследований ДВО РАН,
ул. Тихоокеанская, 153,
Хабаровск, Россия, 680042

**NAIDEN
Svetlana
Nikolaevna**

Doctor of economics, professor
of RAS, chief researcher

Economic Research
Institute FEB RAS,
153, Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680042

nayden@ecrin.ru

© Найден С.Н., 2017

УДК 330.564.2 (571.6)

**МОНИТОРИНГ ДОХОДОВ И РАСХОДОВ
НАСЕЛЕНИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА:
ИТОГИ 2016 ГОДА**

На основе статистической информации в разрезе дальневосточных субъектов РФ проанализированы динамика и структура сложившихся в 2016 г. доходов и расходов населения, располагаемых ресурсов и расходов на конечное потребление домашних хозяйств. Установлено, что завышенные ожидания о повышении реального уровня и качества жизни населения на Дальнем Востоке пока не оправдываются: снижается покупательная способность доходов, увеличивается число бедных, растёт социальная дифференциация. В 2016 г. в потребительском поведении дальневосточников преобладали инфляционные ожидания, которые способствовали выбору бюджетной стратегии, направленной на экономию финансовых ресурсов.

Доходы и расходы населения, прожиточный минимум, покупательная способность, конечное потребление домашних хозяйств, Дальний Восток

**MONITORING OF INCOMES AND EXPENSES
OF THE POPULATION OF RUSSIAN FAR
EAST: RESULTS OF 2016**

Dynamics and structure of incomes and expenses of the population, disposable resources and expenses for final consumption of households that emerged in 2016 were analyzed on the basis of statistical information in the context of Far Eastern regions of Russian Federation. It is established that overestimated expectations for raising the real level and quality of life of the population in Far East are not justified: the purchasing power of incomes decreases, the number of poor and social differentiation grow. In 2016, the Far Eastern consumer behavior was dominated by inflation expectations, which contributed to the selection of a budget strategy aimed at saving financial resources.

Incomes and expenses of population, subsistence minimum, purchasing power, final consumption of households, Russian Far East

Введение

В 2016 г. Дальний Восток оставался одним из главных приоритетов в региональной политике российского государства. В течение года принимались решения, призванные привлечь массированные инвестиции в макрорегион, способные ускорить запуск крупнейших проектов, активизировать международное сотрудничество и, в конечном итоге, повысить качество жизни населения. Именно последнее чаще всего озвучивается в качестве фактора привлекательности для потенциальных внутрироссийских мигрантов, желающих связать свою жизнь с дальневосточными перспективами. В то же время анализ социально-экономической ситуации показывает, что принимаемые государством меры и механизмы их реализации не дают моментальных результатов [2; 3; 4; 5; 6; 7; 13]. Дальний Восток не смогли обойти стороной кризисные процессы, и макрорегион не только не демонстрировал опережающего развития¹, но и по ряду показателей заметно отставал [15]. Коснулось это и важной составляющей качества жизни в макрорегионе – доходов и расходов населения [14]. Сложившиеся и постоянно воспроизводимые в средствах массовой информации представления о Дальнем Востоке как территории, где население получает очень высокую заработную плату и имеет высокие доходы, требуют адекватных оценок и соответствующих пояснений относительно того, каков на самом деле реальный уровень жизни в макрорегионе, где действуют ограничения, сокращающие это номинальное преимущество.

Динамика и структура доходов населения

По официальным данным Росстата, в 2016 г. номинальный размер среднедушевых доходов населения в целом по ДФО составил 36 441 рубль в месяц, практически не изменившись по сравнению с 2015 г. (прирост составил всего 0,3%), что в сочетании с ростом индекса потребительских цен (5,4% к уровню 2015 г.) спровоцировало неизбежное падение реальных доходов населения (–6,5% против –1% в 2015 г.) (табл. 1).

Таблица 1

Прирост доходов, заработной платы и пенсий в ДФО, в % к предыдущему году

Показатель		2012	2013	2014	2015	2016
Среднедушевые денежные доходы населения	номинальные	9,7	15,3	10,5	13,6	0,3
	реальные	4,9	6,2	2,8	–1,0	–6,5
Среднемесячная начисленная заработная плата	номинальная	14,6	11,8	8,8	5,6	6,8
	реальная	8,8	5,0	1,5	–7,8	–0,3
Среднемесячная назначенная пенсия	номинальная	10,9	9,8	8,8	11,1	2,7* (37,6**)
	реальная	4,5	3,2	–1,7	1,5	–2,6* (30,6**)
Индекс потребительских цен		5,9	6,6	10,7	12,0	5,4

Примечания: * – данные за IV кв. 2016 г.

** – с учётом единовременной денежной выплаты в размере 5 000 рублей, начисленной в декабре 2016 г. и выплаченной в январе 2017 г. в соответствии с Федеральным законом № 385-ФЗ от 22 ноября 2016 г.

Источники: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: стат. сб. / Росстат. М., 2017; Социально-экономическое положение России. Январь 2017 г. (http://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/social/osn-01-2017.pdf); Социально-экономическое положение Дальневосточного федерального округа в 2016 г.: стат. сб. / Росстат. М., 2017. С. 56–60.

¹ http://www.ng.ru/economics/2017-02-09/1_6924_vostok.html

Номинальный прирост среднемесячной заработной платы дальневосточников, достигшей в 2016 г. 46 113 рублей на человека, составил 6,8% к уровню 2015 г. Даже на фоне замедлившегося роста индекса потребительских цен (5,4% против 12,0% в 2015 г.) он не смог обеспечить положительной динамики реального содержания заработной платы (–0,3% к уровню 2015 г.), но удержал от глубокого падения (–7,8% в 2015 г. к уровню 2014 г.).

Не улучшили ситуацию и назначенные вместо летней индексации единовременные выплаты пенсионерам в размере 5 000 рублей (в соответствии с Федеральным законом № 385-ФЗ от 22 ноября 2016 г.), которые были начислены только за январь 2017 г. [1]. Без их учёта номинальный рост среднемесячной начисленной пенсии в 2016 г. по ДФО составил всего 2,7% относительно 2015 г., что при опережающем росте потребительской инфляции снизило реальный размер пенсии на 2,6%.

Несмотря на отсутствие официальных статистических данных за 2016 г. о структуре доходов населения в разрезе субъектов ДФО, можно предположить, что в прошедшем году с высокой долей вероятности сохранились изменения, произошедшие в 2012–2015 гг. [11], когда под влиянием кризисных явлений в экономике неуклонно сокращался удельный вес трёх основных источников формирования денежных доходов. Так, доля оплаты труда снизилась с 56,1% до 48,1%, доля доходов от предпринимательской деятельности – с 11% до 9,5%, социальные выплаты – с 18,9% до 18,1% (рис. 1). Доля доходов от собственности, хотя и повысилась на 0,8 п.п. (с 2,8% до 3,6%), но в целом не оказала существенного влияния на формирование денежной массы у населения макрорегиона. Заметный прирост номинальных доходов в 2013–2014 гг. и особенно в 2015 г. был связан с попытками населения компенсировать выпадающие доходы и обеспечить поддержку привычного уровня жизни за счёт вовлечения в оборот «отложенных» сбережений, доходов от продажи валюты и других источников. Далеко не последнюю роль сыграло возобновление «скрытых» форм заработной платы, которые по разным причинам используют и население, и работодатели¹.

Рис. 1. Структура денежных доходов населения ДФО в 2012–2015 гг., %

Источники: статистические сборники «Регионы России. Социально-экономические показатели» за 2013–2016 гг.

¹ <http://www.rbc.ru/economics/06/10/2016/57f653bb9a7947eed7276c25>

Тем не менее, в 2016 г. реальные денежные доходы дальневосточников опустились до уровня четырёх-пятилетней давности, составив 96,4%, реальная начисленная заработная плата – 93,9%, реальный размер назначенных пенсий – 95,0% от уровня 2013 г.

Следует отметить, что отрицательную динамику доходов населения показали все дальневосточные субъекты РФ. Однако более 10% от реального размера своих доходов потеряли в первую очередь жители северных районов: Чукотского автономного округа (ЧАО) (–15,4%), Магаданской области (–13,2%), Камчатского края (–10,4%), а также неизменного аутсайдера – Еврейской автономной области (ЕАО) (–10,4%), где наиболее остро проявляются последствия кризисных явлений на рынках труда и высок удельный вес социального патронажа государства. Чуть меньше, но всё-таки существенно потеряли в реальных доходах жители Амурской области (–9,3%) (*табл. 2*).

Таблица 2

Динамика доходов, заработной платы, пенсий и индекс потребительских цен в 2016 г., %

Территория	Денежные доходы		Заработная плата		Пенсия*		Скорректированная пенсия**		Индекс потребительских цен
	номинальные	реальные	номинальная	реальная	номинальная	реальная	номинальная	реальная	
Республика Саха (Якутия)	104,3	97,0	107,1	99,4	102,4	96,6	132,5	125,0	106,0
Камчатский край	96,8	89,6	105,4	97,7	102,6	97,1	128,9	122,0	105,7
Приморский край	98,5	92,4	106,8	100,3	102,9	98,1	143,3	136,6	104,9
Хабаровский край	102,8	95,3	106,1	98,5	102,6	96,7	138,0	130,1	106,1
Амурская область	97,4	90,7	104,8	97,8	103,2	98,3	144,2	137,3	105,0
Магаданская область	93,3	86,8	105,2	98,4	102,0	98,3	127,7	123,1	103,7
Сахалинская область	102,6	96,8	107,3	101,4	102,7	98,0	133,2	127,1	104,8
ЕАО	96,9	89,6	105,9	98,5	103,1	96,6	145,5	136,4	106,7
ЧАО	92,5	84,6	108,1	99,2	101,4	95,8	123,7	116,8	105,9
ДФО	100,3	93,5	106,8	99,7	102,7	97,4	137,6	130,6	105,4
Российская Федерация	101,0	94,4	107,8	100,7	102,9	97,6	144,2	136,9	105,4

Примечания: * – данные за IV кв. 2016 г.

** – с учётом единовременной денежной выплаты в размере 5 000 рублей, начисленной в декабре 2016 г. и выплаченной в январе 2017 г. в соответствии с Федеральным законом № 385-ФЗ от 22 ноября 2016 г.

Источники: Социально-экономическое положение России. Январь 2017 г. (http://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/social/osn-01-2017.pdf); Социально-экономическое положение Дальневосточного федерального округа в 2016 г.: стат. сб. / Росстат. М., 2017.

Рост реальной заработной платы показали только два дальневосточных субъекта РФ – Сахалинская область (1,4% к уровню 2015 г.) и Приморский край (0,3% соответственно), где номинальное приращение оплаты труда превысило рост потребительских цен на товары и ус-

луги. Если игнорировать начисленный размер пенсии за январь 2017 г. с учётом единовременной выплаты в сумме 5 000 рублей, то окажется, что её незначительный номинальный рост был поглощён потребительской инфляцией, и реальные пенсии во всех дальневосточных субъектах РФ сократились по сравнению с 2015 г. на 1,7–4,2 п.п.

Среди регионов с отрицательной динамикой реальных пенсий стабильно держатся северные территории (ЧАО, Республика Саха (Якутия), Камчатский край), отличающиеся повышенной стоимостью жизни, и экономически нестабильная Еврейская автономная область с самым низким номинальным размером пенсионного обеспечения, проигрывающим инфляционной атаке. Однако на протяжении 2014–2016 гг. падают реальные пенсии и в более благополучных с экономической точки зрения южных субъектах ДФО (Приморском и Хабаровском краях, Амурской области), где номинальный прирост пенсий не «справляется» с потребительской инфляцией.

Анализ структуры денежных доходов населения по всем дальневосточным субъектам РФ показывает, что оплата труда остаётся наиболее весомой её частью. Тем не менее, в структуре доходов населения Приморского края она остается самой низкой в регионе (37,4% от общих доходов населения в 2015 г.), в отличие от ЧАО, Республики Саха (Якутия) и Камчатского края, где доходы жителей на 60–70% обеспечиваются за счёт заработной платы¹ (рис. 2).

Рис. 2. Структура денежных доходов населения ДФО в 2015 г., %

Источники: статистические сборники «Регионы России. Социально-экономические показатели» за 2013–2016 гг.

¹ Следует заметить, что дальневосточники предъявляют вполне реальные требования по уровню желаемой заработной платы. Так, по результатам опросов населения, проведённых исследовательским холдингом Romir в начале 2017 г., оказалось, что только на Дальнем Востоке желаемые размеры доходов и зарплаты почти совпали со среднестатистическими показателям по этому макрорегиону. В остальных же округах данные по запросам и средним реальным доходам разнятся, в некоторых регионах почти вдвое (http://romir.ru/studies/915_1495486800/).

В то же время социальные выплаты в общей массе формируемых доходов населения стабильно составляют примерно пятую–шестую часть. Это происходит на фоне демографических трендов [8; 9] и меняющейся возрастной структуры населения, когда к верхней границе трудоспособности подходят более многочисленные когорты граждан. Как следствие, продолжает увеличиваться численность пенсионеров, которая на 1 января 2017 г. достигла 1 млн 950 тыс. человек или 31,5% от общей численности населения Дальнего Востока¹. Прирост только за 2016 г. составил 150 тыс. человек или 8,3% к уровню 2015 г. Соответственно возросла нагрузка на работающее население. Теперь на 100 пенсионеров приходится всего 162 занятых в экономике вместо 188–190 в 2012 г.

Повсеместно падающая доля доходов от предпринимательской деятельности остаётся значимой в двух дальневосточных субъектах РФ – Республике Саха (Якутия) и ЕАО (соответственно 14,5% и 14%), для которых характерно не столько наличие возможностей для развития предпринимательства, сколько, скорее всего, отсутствие других способов получения доходов, учитывая сложившийся характер расселения (наличие отдалённых поселений) и распространение низкодоходных видов экономической деятельности (сельское хозяйство, охота, рыболовство и пр.). Доходы от собственности пока остаются лишь незначительным дополнением в бюджетах населения макрорегиона, варьируя от 2,75 (ЕАО) до 5,9% (Сахалинская область).

А вот категория «других доходов» значительно увеличилась за 2013–2015 гг. Так, средне-статистический доход жителей Приморского края формируется за счёт непрозрачных источников теперь на 34%, Амурской области – на 27,1%, ЕАО – 21%, Хабаровского края – на 19%, Сахалинской области – на 17,5%. В остальных дальневосточных субъектах РФ доля ниже, но тем не менее растёт. Это косвенное подтверждение тому, что жители Дальнего Востока пытаются различными способами компенсировать утрату либо отсутствие возможности официального трудоустройства, а также поддерживать привычный и достойный уровень жизни в условиях значительной удалённости и оторванности от западных и южных регионов, где сосредоточены культурные и образовательные центры, а также экономически доступны разнообразные потребительские товары и услуги.

Покупательная способность и дифференциация доходов населения

За исследуемый период изменились не только динамика и структура доходов населения, но и их реальное содержание, определяемое на основе показателя их покупательной способности, который оценивает условное количество наборов прожиточного минимума, которое население могло бы приобрести на свои номинальные денежные доходы. Соотнесение покупательной способности денежных доходов в течение сравниваемых периодов/дат характеризует изменение реальных доходов населения.

За анализируемый период прожиточный минимум в среднем по ДФО вырос почти в 1,5 раза, в целом плавно двигаясь в фарватере темпов роста аналогичного показателя в целом по РФ, практически сливаясь со среднероссийским трендом в 2012–2016 гг. (*рис. 3*).

По номиналу все дальневосточные субъекты РФ входят в первую двадцатку самых дорогих районов страны, но лидирующие позиции удерживает Камчатский край, где минимальная стоимость жизни оценивалась в 2016 году в 19 194 рубля на человека в месяц, или почти в 2 раза выше, чем в среднем по стране (*табл. 3*). Немного отстают, но входят в пятерку «самых дорогих» ЧАО (18 072 рубля на человека в месяц), Магаданская область (18 043 рубля) и Республика Саха (Якутия) (16 055 рублей).

¹ <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/#1>

Рис. 3. Темпы роста среднегодовой величины прожиточного минимума в РФ и в среднем по ДФО, %

Примечание: Среднегодовая величина прожиточного минимума рассчитана автором как среднеарифметическое значение по квартальным данным. Поскольку прожиточный минимум устанавливается только в целом по стране и в каждом субъекте РФ, среднегодовая величина прожиточного минимума по ДФО в целом рассчитана автором как средняя взвешенная величина среднегодовых значений прожиточного минимума в каждом из 9 дальневосточных субъектов РФ, а в качестве веса использована среднегодовая численность населения субъекта.

Источники: статистические сборники «Регионы России. Социально-экономические показатели» за 2013–2016 гг.; Социально-экономическое положение России. Январь 2017 г. (http://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/social/osn-01-2017.pdf).

Таблица 3

Стоимость прожиточного минимума в дальневосточных субъектах РФ и в целом по РФ
(в среднем за год), рублей в месяц на человека

Территория	2012	2013	2014	2015	2016	Отношение 2016 г.	
						к 2015, %	к 2012, %
Республика Саха (Якутия)	10 486	11 342	12 879	15 140	16 055	106,0	153,1
Камчатский край	13 008	14 098	15 428	18 020	19 194	106,5	147,6
Приморский край	7 700	9 395	10 321	12 490	12 616	101,0	163,8
Хабаровский край	9 234	9 939	11 137	13 417	13 018	97,0	141,0
Амурская область	8 217	9 003	9 456	10 740	11 541	107,5	140,4
Магаданская область	10 713	13 834	14 865	17 311	18 043	104,2	168,4
Сахалинская область	9 986	10 820	11 794	13 672	13 885	101,6	139,0
Еврейская авт. обл.	7 809	9 315	10 185	12 476	12 626	101,2	161,7
Чукотский авт. округ	11 962	13 381	14 569	16 537	18 072	109,3	151,1
ДФО*	9 086	10 250	11 295	13 393	13 705	102,3	150,8
Российская Федерация	6 510	7 306	8 050	9 701	9 828	101,3	151,0

Примечание: * – экспертная оценка автора.

Источники: Социально-экономическое положение России. Январь 2017 г. (http://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/social/osn-01-2017.pdf); Социально-экономическое положение Дальневосточного федерального округа в 2016 г.: стат. сб. / Росстат. М., 2017; <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/#1>

Несмотря на замедление темпов роста (всего 2,3% по ДФО, а в среднем по РФ – 1,3%) стоимости прожиточного минимума в 2016 г. относительно 2015 г., почти полутораакратный демарш в предыдущем четырёхлетнем периоде привёл к снижению покупательной способности доходов населения (*табл. 4*). В 2016 г. жители макрорегиона в среднем могли приобрести на свои доходы 2,66 прожиточных минимума (против 2,76 в 2012 г.), что на 15% меньше, чем в среднем по стране.

Таблица 4

Соотношение доходов и стоимости жизни в дальневосточных субъектах РФ и в целом по РФ

Территория	Отношение к прожиточному минимуму								
	среднемесячной начисленной заработной платы			среднемесячных начисленных пенсий			среднедушевых денежных доходов		
	2012	2015	2016	2012	2015	2016	2012	2015	2016
Республика Саха (Якутия)	3,79	3,58	3,64	1,20	1,10	1,06	2,67	2,50	2,46
Камчатский край	3,32	3,12	3,12	1,10	1,05	1,01	2,34	2,28	2,07
Приморский край	3,57	2,71	2,86	1,21	0,99	1,01	2,72	2,64	2,58
Хабаровский край	3,35	2,84	3,18	1,15	1,05	1,11	2,80	2,73	2,90
Амурская область	3,27	2,97	2,87	1,11	1,13	1,09	2,63	2,82	2,55
Магаданская область	4,77	3,75	3,80	1,36	1,12	1,09	3,36	2,90	2,60
Сахалинская область	4,45	4,48	4,77	1,23	1,20	1,21	3,34	3,63	3,67
ЕАО	3,23	2,47	2,53	1,13	0,94	0,96	2,33	1,96	1,88
ЧАО	5,25	4,77	4,74	1,41	1,35	1,25	3,61	3,73	3,16
ДФО*	3,70	3,20	3,36	1,19	1,07	1,07	2,76	2,71	2,66
Российская Федерация	4,12	3,51	3,74	1,41	1,25	1,27	3,51	3,14	3,13

Примечание: * – экспертная оценка автора.

Источники: статистические сборники «Регионы России. Социально-экономические показатели» за 2013–2016 гг.; Социально-экономическое положение России. Январь 2017 г. (http://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/social/osn-01-2017.pdf); Социально-экономическое положение Дальневосточного федерального округа в 2016 г.: стат. сб. / Росстат. М., 2017; <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/#1>

Среди дальневосточных субъектов РФ только доходы населения Хабаровского края и Сахалинской области по статистическим данным не потеряли своей покупательной способности (она составила 2,9 и 3,67 соответственно). В случае с Сахалином положительную роль сыграли опережающие темпы роста доходов населения (2,6% относительно 2015 г.) по сравнению с низкими темпами роста минимальной стоимости жизни (1,2%)¹. Для Хабаровского края до-

¹ В действительности же за официальными цифрами скрываются реально существующие проблемы низких доходов. В частности, «в северных районах Сахалина и на Курильских островах введены новые меры поддержки граждан с низкими доходами. В условиях роста цен, правительство области приняло решение продавать малоимущим продукты по сниженным ценам. На всей территории Сахалинской области, с 1 января 2017 года бесплатные продуктовые наборы начнут получать 17 тысяч малоимущих семей (в эту категорию входят просто бедные семьи, матери-одиночки, студенческие семьи, семьи с детьми-инвалидами)» (<https://regnum.ru/news/economy/2212056.html>).

полнительным фактором стало понижение собственно самого прожиточного минимума в 3-м и 4-м кварталах 2016 г. (по совокупности на 3% к уровню 2015 г.). Причиной последнего стало, по информации пресс-службы правительства края, уменьшение стоимости продуктового набора, непродовольственных товаров, услуг и обязательных платежей¹. Последнее вызывает больше вопросов, чем ответов, поскольку реальное состояние рынков товаров и услуг в районах края, включая региональную столицу, свидетельствует скорее об обратном².

В итоге для всех территорий ДФО покупательная способность доходов населения остаётся ниже, чем в среднем по России.

Покупательная способность заработной платы в дальневосточных субъектах РФ, традиционно отстающая от среднероссийских показателей (за исключением трёх территорий – ЧАО, Магаданской и Сахалинской областей, – где в сфере оплаты труда сильно влияние природно-ресурсных отраслей), в 2016 г. показала пусть незначительный, но рост в среднем по ДФО к уровню 2015 г. (+0,16), одновременно потеряв позиции к уровню 2012 г. (–0,34). Из общего тренда выпали Амурская область (2,87 в 2016 г. против 3,27 в 2015 г.), Еврейская автономная область (2,53 против 3,23), а также Камчатский край (3,12 против 3,32), где покупательная способность оплаты труда даже в условиях её положительной, но замедленной динамики продолжает снижаться.

Покупательная способность пенсий крайне неустойчива и в 2015–2016 гг. балансирует на грани минимальной стоимости жизни: в среднем по ДФО всего 1,07 наборов прожиточного минимума, что не может быть признано достаточным для поддержания достойного уровня жизни. Следует отметить, что средний размер пенсий в субъектах ДФО достиг уровня прожиточного минимума только на рубеже 2009–2010 гг. и, едва достигнув к 2012 г. максимума в 1,19 набора прожиточного минимума, неуклонно снижается. В результате сохраняется проблема низкой материальной обеспеченности наиболее незащищённой категории граждан – пенсионеров, для которых выбор способов поддержки нормального уровня жизни за счёт дополнительных приработков объективно ограничен.

Таким образом, несмотря на рост покупательной способности доходов населения в отдельных дальневосточных субъектах РФ по отношению к стоимости прожиточного минимума эти показатели продолжают оставаться значительно ниже, чем в среднем по России и, самое главное, значительно ниже, чем в тех регионах страны, куда в основном предпочитают мигрировать дальневосточники.

Разрыв между ростом доходов и стоимостью жизни обусловил рост уровня бедности в ДФО. Численность населения с доходами ниже величины прожиточного минимума в 2016 г. выросла на 20,1 тыс. человек и составила 962,6 тыс. человек или 15,6% от общей численности населения. Максимальный прирост в 2016 г. был зафиксирован в Амурской области (на 1,9 п.п.), Магаданской области он составил 1,8 п.п., в Чукотском автономном округе – 1,7 п.п., в Камчатском крае – 1,6 п.п., в Еврейской автономной области – 1,4 п.п. (рис. 4).

Скорость роста доли бедного населения в семи из 9 дальневосточных субъектов РФ остаётся выше среднероссийского уровня. Если в макрорегионе доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума выросла за 2012–2016 гг. на 3,7 п.п., то в целом по стране – на 2,8 п.п.

¹ https://toz.su/news/novyy_razmer_prozhitochnogo_minimума_utverzhen_v_khabarovskom_krae/

² <http://www.dvnovosti.ru/khab/2016/10/25/57230/>

Рис. 4. Доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, в % от общей численности населения

Источники: статистические сборники «Регионы России. Социально-экономические показатели» за 2013–2016 гг.; <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/#1>

При более высоком, чем в среднем по стране удельном весе бедного населения в общей численности, степень неравенства по уровню доходов в дальневосточных субъектах РФ остаётся ниже, чем в среднем по стране, а по итогам 2016 г. в 7 субъектах даже снизилась относительно уровня 2015 и 2012 гг. (табл. 5).

Коэффициент Джини, характеризующий отклонение линии фактического распределения доходов от абсолютно равного распределения, в 2016 г. вырос только на Сахалине, где сравнялся со среднероссийским показателем, достигнув 0,414, и в Хабаровском крае (до 0,386 по сравнению с 0,379 в 2015 г.). К сожалению, пропасть между богатыми и бедными в островном регионе велика и продолжает расти¹. Для Хабаровского края ситуация с дифференциацией доходов менее остра, но незначительно. У наименее обеспеченных групп населения края (первые две квинтильные группы) сконцентрировано доходов на 1,3 п.п. больше, чем в среднем по России, а группа наиболее обеспеченных жителей края владеет, наоборот, меньшим объёмом дохода (44,9% в отличие от 47,1% по РФ). Это свидетельствует о чуть более равномерном распространении доходной массы среди жителей края, что характерно не только для Хабаровского

¹ «По данным Росстата, 47,1% денежных доходов региона сосредоточили в своих руках 20% островитян. Доходы сахалинских бедняков меньше доходов богачей почти в 16 раз. По официальной статистике количество бедных в регионе по сравнению с 2016 годом уменьшилось, правда, незначительно – всего на 2,1 тыс. человек. Таковых в области, где всего населения осталось менее 500 тыс. человек, насчитывается 46,1 тыс. Впрочем, по данным Сахалинстата, ежегодно Сахалин и Курилы покидает 22,5 тыс. человек. Вполне возможно, что те 2,1 тысячи островитян, на которых статисты уменьшили число бедняков, попросту покинули острова и уехали на материк в поисках лучшей доли» (<https://regnum.ru/news/economy/2272791.html>).

Таблица 5

Распределение общего объема денежных доходов по квинтильным группам населения в дальневосточных субъектах РФ и в целом по РФ

Территория	Удельный вес общего объема денежных доходов, приходящихся на соответствующую группу населения, в общем объеме денежных доходов, %					Коэффициент фондов, раз	Коэффициент Джинни
	первая группа (с наименьшими доходами)	вторая группа	третья группа	четвертая группа	пятая (с наибольшими доходами) группа		
2012 год							
Республика Саха (Якутия)	5,5	10,2	15,2	22,7	46,4	14,8	0,405
Камчатский край	6,0	10,9	15,7	22,9	44,5	12,5	0,381
Приморский край	5,8	10,6	15,5	22,8	45,3	13,5	0,392
Хабаровский край	5,9	10,6	15,6	22,8	45,1	13,1	0,389
Амурская область	5,8	10,6	15,5	22,8	45,3	13,4	0,391
Магаданская область	5,3	9,9	15,0	22,6	47,2	15,9	0,415
Сахалинская область	5,4	10,1	15,1	22,6	46,8	15,2	0,409
ЕАО	6,1	10,9	15,7	22,9	44,4	12,3	0,380
ЧАО	5,2	9,9	14,9	22,6	47,4	16,0	0,416
Российская Федерация	5,2	9,8	14,9	22,5	47,6	16,4	0,420
2016 год							
Республика Саха (Якутия)	5,7	10,4	15,4	22,8	45,7	13,9	0,396
Камчатский край	6,9	11,8	16,5	23,1	41,7	9,7	0,346
Приморский край	6,1	10,9	15,7	22,9	44,4	12,3	0,380
Хабаровский край	5,9	10,7	15,6	22,9	44,9	12,9	0,386
Амурская область	6,0	10,8	15,7	22,9	44,6	12,5	0,382
Магаданская область	6,3	11,1	15,9	23,0	43,7	11,6	0,372
Сахалинская область	5,3	10,0	15,0	22,6	47,1	15,8	0,414
ЕАО	6,8	11,7	16,4	23,0	42,1	10,0	0,350
ЧАО	5,9	10,7	15,6	22,8	45,0	13,1	0,388
Российская Федерация	5,3	10,0	15,0	22,6	47,1	15,7	0,414

Источники: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013: Стат. сб. / Росстат. М., 2013. С. 182–183; <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/#1>

края, но и для соседних территорий – Приморского края и Амурской области. В результате такого распределения максимальное превышение доходов 10% наиболее обеспеченного населения этих территорий в 2016 г. над доходами 10% наименее обеспеченного населения (коэффициент фондов) составило 12,9 раза (Хабаровский край), что существенно ниже, чем в среднем по стране (15,7 раза).

Динамика и структура располагаемых ресурсов домашних хозяйств

По официальным данным Росстата¹, в 2016 г. номинальный размер располагаемых ресурсов домашних хозяйств² в целом по ДФО составил 30 060,4 рубля в месяц, сократившись на 1,6% относительно уровня 2015 г. и не достигнув даже показателя 2014 г. (–0,6%). На фоне ежегодного роста индекса потребительских цен (5,4% в 2016 г. и по 11–12% в 2014–2015 гг.) темп роста реального размера располагаемых ресурсов остаётся отрицательным два последних года (–6,6% в 2016 г. относительно 2015 г. и –9,9% в 2015 г. относительно 2014 г.) в отличие от среднероссийской динамики, которая в 2016 г. почти вернулась на позиции 2015 г. (рис. 6, а). Дальневосточные домашние хозяйства в 2016 г. проиграли по темпам роста реальных денежных доходов, которые в отличие от среднероссийских параметров снижаются третий год подряд, достигнув в 2016 г. 94,1% от уровня 2015 г. (рис. 6, б). В попытках скомпенсировать «тающие» реальные доходы, дальневосточники, как и остальное население страны, обращаются к заёмным средствам и накопленным сбережениям (рис. 6, в). Однако, в отличие от среднестатистического показателя по России, в ДФО размер номинальных привлечений в 2016 г. сократился на 12,9% относительно 2015 г., в реальном же исчислении это составило всего 82,6% против 2015 г. Следует учесть, что 2015 г. оказался самым «провальным» с точки зрения привлечения домашними хозяйствами дополнительных средств на поддержание достойного уровня жизни, когда их реальный размер составил всего 46,9% от уровня 2014 г. (для сравнения: по России – 57% от показателя 2014 г.).

Это свидетельствует об ухудшении финансово-экономической ситуации и сокращении заёмных возможностей для бюджетов домашних хозяйства, что подтверждается изменениями, произошедшими в структуре располагаемых ресурсов за последние 5 лет (табл. 6).

Так, в целом по ДФО доля валовых доходов в располагаемых ресурсах домашних хозяйств в 2016 г. составила 93,1%, увеличившись на 6,2 п.п., против 86,9% в 2012 г. Рост произошёл за счёт денежных доходов, доля которых достигла к 2016 г. 89,5% против 82,6% в 2015 г. Одновременно сократились натуральные поступления продуктами питания и товарами и услугами с 2,6% и 1,5% в 2012 г. до 2,3% и 1,3% соответственно в 2016 г. И, как уже отмечалось выше, существенно упала доля привлечённых средств: если в 2012 г. она занимала 13,1% в располагаемых ресурсах домашних хозяйства, то в 2016 г. – уже только 6,9%.

Среди субъектов РФ, входящих в состав ДФО, Чукотский автономный округ традиционно сохраняет лидирующие позиции по максимальной доле дохода домашних хозяйства, формируемой в денежном эквиваленте. За счёт сокращения стоимости натуральных поступлений (с 3,3% в совокупности в 2012 г. до 1,8% в 2016 г.) доля денежных доходов выросла с 96,4% в 2012 г. до 97,9% в 2016 г. В структуре располагаемых ресурсов остальных территорий резко сократилась доля привлечённых средств и израсходованных сбережений.

¹ В качестве источника использованы материалы обследований бюджетов домашних хозяйств, которые ежеквартально проводят органы государственной статистики во всех субъектах РФ по выборочному методу и на принципах добровольного участия (http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096812812).

² Домашнее хозяйство представляет собой совокупность лиц, проживающих в одном жилом помещении или его части, как связанных, так и не связанных родством, совместно обеспечивающих себя всем необходимым для жизни, полностью или частично объединяя и расходуя свои средства. Домохозяйство может состоять из одного человека, живущего самостоятельно. Располагаемые ресурсы домашних хозяйств – это объём денежных и натуральных (в стоимостной оценке) средств, которыми располагали домашние хозяйства для финансирования своего потребления и создания сбережений в период обследования.

а) Реальные располагаемые ресурсы

б) Реальные денежные доходы

в) Реальная стоимость привлечённых средств и израсходованных сбережений

Рис. 6. Динамика реальных располагаемых ресурсов, реальных денежных доходов и реальной стоимости привлечённых средств и израсходованных сбережений домашних хозяйств в ДФО в 2012–2016 гг., %

Источники: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096812812; статистические сборники «Регионы России. Социально-экономические показатели» за 2013–2016 гг.

Если в 2012 г. в Республике Саха (Якутия) эта статья составляла почти пятую часть (19,4%) от общего объема располагаемых ресурсов, то в 2016 г. – уже только 11,2%. Почти в 6,7 раза сократилась доля привлечённых средств в располагаемых ресурсах домашних хозяйств Амурской области (2,3% в 2016 г. против 15,5% в 2012 г.), в Магаданской области она сократилась в 5 раз (3,6% против 17,8%), почти в 3 раза – на Сахалине (с 17% в 2012 г. до 5,8% в 2016 г.) и на Камчатке (с 21,6% в 2012 г. до 7,7% в 2016 г.). В 2013–2014 гг. и особенно в 2015 г. население компенсировало выпадающие доходы и обеспечивало поддержку привычного уровня жизни за счёт вовлечения в оборот «отложенных» сбережений, доходов

Таблица 6

Структура располагаемых ресурсов в дальневосточных субъектах РФ

Территория	Рас- пола- гаемые ресур- сы (в месяц, рублей)	Из них в процентах				сумма при- влечённых средств и израсхо- дованных сбережений
		вало- вой доход	в том числе			
			де- неж- ный доход	стоимость натураль- ных поступлений		
				продуктов питания	товаров и услуг	
2012 год						
Республика Саха (Якутия)	28 411,8	80,6	75,6	2,1	2,9	19,4
Камчатский край	37 102,2	78,4	75,0	1,4	2,0	21,6
Приморский край	18 623,5	94,9	91,0	2,7	1,2	5,1
Хабаровский край	24 101,5	89,0	84,8	3,2	1,0	11,0
Амурская область	19 563,1	84,5	80,1	3,6	0,8	15,5
Магаданская область	26 402,6	82,2	79,3	1,3	1,6	17,8
Сахалинская область	26 848,5	83,0	80,4	2,0	0,6	17,0
ЕАО	19 062,9	90,5	87,2	2,6	0,7	9,5
ЧАО	22 517,7	99,7	96,4	1,1	2,2	0,3
ДФО	23 244,8	86,9	82,8	2,6	1,5	13,1
Российская Федерация	18 582,3	90,1	86,8	2,4	0,8	9,9
2016 год						
Республика Саха (Якутия)	35 660,2	88,8	84,5	1,9	2,4	11,2
Камчатский край	40 927,7	92,3	85,9	2,1	4,3	7,7
Приморский край	26 384,7	91,7	88,7	2,5	0,5	8,3
Хабаровский край	32 052,3	95,1	92,1	2,2	0,8	4,9
Амурская область	23 923,7	97,7	92,3	4,0	1,4	2,3
Магаданская область	34 027,6	96,4	93,6	1,0	1,8	3,6
Сахалинская область	32 439,5	94,2	91,5	1,9	0,8	5,8
ЕАО	20 783,8	94,1	90,5	2,9	0,7	5,9
ЧАО	37 403,6	99,7	97,9	0,8	1,0	0,3
ДФО	30 060,4	93,1	89,5	2,3	1,3	6,9
Российская Федерация	24 209,8	93,0	89,8	2,5	0,7	7,0

Примечание: в среднем на члена домашнего хозяйства.

Источник: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096812812

от продажи валюты и других источников [14]. Но, видимо, возможности данного источника были весьма ограничены, а что впереди – неизвестно. Это свидетельствует об изменении потребительского поведения домашних хозяйств, которые после незначительного всплеска финансовой подпитки выбрали стратегию разумной экономии, что, несомненно, отразилось на их расходной политике [12].

Потребительские расходы домашних хозяйств

В структуре расходов на конечное потребление¹ домашних хозяйств также произошло перераспределение средств между статьями. Рост цен на услуги (особенно, жилищно-коммунальные, медицинские, транспортные), потребляемые в домашних хозяйствах, повлиял на увеличение доли расходов на их оплату: с 25,8% в 2012 г. до 28,8% в 2016 г. (рис. 7).

Рис. 7. Структура расходов на конечное потребление домашних хозяйств в ДФО в 2012–2016 гг., %

Источники: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096812812; статистические сборники «Регионы России. Социально-экономические показатели» за 2013–2016 гг.

Как следствие, домашние хозяйства экономят на наиболее доступной для этих целей статье: доля расходов на питание² в 2016 г. относительно 2015 г. сократилась на 3 п.п., достигнув

¹ Расходы на конечное потребление домашних хозяйств состоят из потребительских расходов, а также оценки в денежном эквиваленте стоимости натуральных поступлений продуктов питания, непродовольственных товаров и услуг. В расходы на конечное потребление не включается стоимость товаров, если они были приобретены не для собственного потребления.

² Расходы на питание в домашних хозяйствах складываются из денежных расходов на покупку продуктов, предназначенных для личного потребления внутри домохозяйств, расходов на питание вне дома и стоимости натуральных поступлений продуктов питания.

33,7% – минимального значения с 2012 г. Продолжилось снижение доли расходов и на приобретение непродовольственных товаров¹ (2,3 п.п. за 5 лет), сохраняющей при этом небольшое превышение над статьёй «на питание». Но если в 2012 г. разница между этими основными статьями составляла 8,6 п.п. (34,4% и 25,8%), то к 2016 г. произошло сокращение разрыва до 4,9 п.п. (33,7% и 28,8%). После незначительного роста в более экономически благополучные 2014–2015 гг. доля расходов на алкогольные напитки вернулась к показателю 1,5%.

Анализ непосредственно потребительских расходов² домашних хозяйства показывает, что наиболее весомой статьёй в бюджетах домашних хозяйств ДФО остаются расходы на продукты питания и безалкогольные напитки (рис. 8).

Рис. 8. Структура потребительских расходов домашних хозяйств ДФО в 2012–2016 гг., %

Источники: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096812812; статистические сборники «Регионы России. Социально-экономические показатели» за 2013–2016 гг.

¹ Расходы на непродовольственные товары в домашних хозяйствах состоят из денежных расходов на покупку непродовольственных товаров, предназначенных для личного потребления внутри домохозяйств, и стоимости натуральных поступлений.

² Потребительские расходы домашних хозяйств являются частью денежных расходов, направленных на приобретение потребительских товаров и услуг. Учёт производится по полной стоимости товаров и услуг, независимо от того, полностью или частично они были оплачены на момент приобретения и для каких целей они предназначались (для личного потребления или передачи другому домохозяйству). В составе потребительских расходов не учитываются расходы на покупку произведений искусства, антиквариата и ювелирных изделий, приобретённых в качестве капиталовложений, и оплата материалов и работ по строительству и капитальному ремонту жилых или подсобных помещений, являющаяся инвестицией.

Их доля в потребительских расходах, хотя и снизилась в 2016 году на 2,5 п.п. относительно уровня 2015 г., продолжает занимать почти треть всех расходов (29,3%). Рост удельных расходов на оплату услуг в 2016 г. произошел за счёт увеличения жилищно-коммунальных платежей (до 12,5%, +1,5 п.п. к уровню 2015 г., +1,3 п.п. к уровню 2012 г.), стоимости услуг транспорта (до 14,4%, +2,2 п.п. к уровню 2015 г., но –0,8 п.п. к уровню 2012 г.), расходов на оплату услуг образования (до 7,1%, +0,6 п.п. к уровню 2015 г.) и незначительного увеличения расходов на досуг (до 1,4%, +0,2 п.п. к уровню 2015 г.). Удельный вес расходов на здравоохранение остался неизменным (3,9%, на уровне 2015 г.), а вот доля расходов за услуги связи в 2016 г. продолжила снижение и достигла 3,6% (–0,2 п.п.) от общей массы потребительских расходов. Кризисные явления сказались на частичном отказе членов домашних хозяйств от посещений кафе и ресторанов, поэтому данная статья расходов в 2016 г. в их бюджетах сократилась на 0,6 п.п. и составила всего 3,1% от всех расходов. Та же участь постигла и группу товаров «одежда и обувь», расходы на которую в 2016 г. сократились на 0,7 п.п. по сравнению с 2015 г., впервые за 5 лет составив менее 10% (всего 9,3%), что служит свидетельством выбора стратегии экономного потребительского поведения домохозяйств.

Среди регионов с высокой долей расходов на питание стабильно держатся северные территории – Магаданская область (41,3%), ЧАО (32,4%), Камчатский край (31,8%) и Республика Саха (Якутия) (31,4%), – отличающиеся повышенной стоимостью продовольствия, значительная часть которого не производится на этих территориях, а доставляется из южных и центральных районов страны. В попытке выдержать стратегию на сохранение достойного уровня жизни в условиях оптимизации финансовых расходов домохозяйства всех дальневосточных субъектов РФ, за исключением Магаданской и Амурской областей, в 2016 г. сократили удельный вес расходов на питание: максимальное сокращение (6,3 п.п.) произошло на Чукотке, минимальное (0,2 п.п.) – на Сахалине (рис. 9).

В структуре питания мясо и мясные продукты, оставаясь в приоритете, тем не менее в 2016 г. снизили свой удельный вес в расходах домашних хозяйств: в Республике Саха (Якутия) – на 3,7 п.п., в Амурской области и ЕАО – на 2,4 п.п., в Хабаровском крае и Сахалинской области – на 2 п.п., на Чукотке – на 1,2 п.п., на Камчатке – на 0,8 п.п. В меньших масштабах, но всё-таки произошло сокращение доли расходов на покупку рыбы и рыбопродуктов в основных регионах добычи и потребления этих продуктов: на Сахалине – на 1,8 п.п., на Камчатке – на 1,2 п.п., в Приморье – на 1 п.п., в Магаданской области – на 0,8 п.п. Как следствие, во всех субъектах выросли удельные расходы на хлеб и хлебобулочные изделия, частично – на сахар и кондитерские изделия, потребление которых традиционно увеличивается в кризисные периоды.

И так незначительные расходы на питание вне дома претерпели существенное сокращение практически повсеместно. Исключение составили лишь Камчатский и Хабаровский края и ЕАО, где эта статья расходов незначительно выросла (+1,2 п.п., +0,7 п.п., +0,6 п.п. соответственно). Снижение (0,2–0,7 п.п.) произошло и в доле расходов, направляемых на алкоголь, за исключением Камчатского края (+1,2 п.п. к уровню 2015 г.).

Положительная динамика наблюдается у всех дальневосточных субъектов РФ по статье «оплата услуг»: в 2016 г. максимальный рост (3,9 п.п.) наблюдался в Приморье, минимальный (0,4 п.п.) – в Приамурье.

В целом по округу в структуре расходов на оплату услуг продолжают преобладать жилищно-коммунальные услуги, доля которых достигла в 2016 г. 37,2%, увеличившись на 0,6 п.п. относительно уровня 2015 г. (рис. 10).

Рис. 9. Структура потребительских расходов домашних хозяйств в дальневосточных субъектах РФ в 2015–2016 гг., %

Источники: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096812812; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: стат. сб. / Росстат. М., 2017.

Рис. 10. Структура расходов на оплату услуг в домашних хозяйствах ДФО в 2015–2016 гг., %

Лидерами же по максимальному приросту оказались удельные расходы на услуги пассажирского транспорта (+2 п.п. к уровню 2015 г.), занявшие 11,7% в структуре всех расходов на оплату услуг. Примерно такую же долю составили расходы на услуги культуры, которые, в отличие от транспортных расходов, потеряли 0,3 п.п. своего веса. Потеряли удельный вес и расходы на бытовые услуги (–2,3 п.п.) и расходы на связь (–1,8 п.п.); последнему в немалой степени способствовали решения, направленные на регулирование рынка сотовой и телекоммуникационной связи. Учитывая рост числа детей дошкольного и школьного возраста, вполне обоснованным оказался прирост удельных расходов на услуги системы образования (1,2% п.п. к уровню 2015 г.). В то время как прирост доли расходов на поддержку здоровья (0,9 п.п. в совокупности по медицинским и санаторно-оздоровительным услугам) скорее свидетельствует о росте цен и расширении спектра платных услуг в медицинских учреждениях за счёт сокращения масштабов бесплатного обслуживания [10].

Среди дальневосточных субъектов РФ наибольший прирост удельных расходов на услуги ЖКХ в 2016 г. показали Сахалинская область (5,3 п.п.), Магаданская область (4,9 п.п.), Амурская область (3,4 п.п.) и ЕАО (2,8 п.п.) (*табл. 7*).

Максимальный прирост удельных расходов на услуги пассажирского транспорта оказался в Хабаровском крае (на 5,0 п.п., с 9,2% в 2015 г. до 14,2% в 2016 г.), где стоимость проезда, например, в городских автобусах уже выше, чем в северных регионах Дальнего Востока. Лидером по приросту удельных расходов на образование стал Приморский край (5,0 п.п., с 6,5% до 11,5%), который стремительно наращивает рынок платных услуг в данном сегменте, включая услуги дошкольного воспитания и дополнительного образования.

Таблица 7

Структура расходов на оплату услуг в домашних хозяйствах,
в % от стоимости всех услуг

Территория	Жилищно-коммунальные услуги	Бытовые услуги	Услуги учреждений культуры	Услуги системы образования	Медицинские услуги	Санаторно-оздоровительные услуги	Услуги пассажирского транспорта	Услуги связи	Прочие услуги
2015 год									
Республика Саха (Якутия)	32,0	5,6	4,8	5,9	4,5	1,4	19,8	10,7	15,3
Камчатский край	48,8	10,7	9,7	3,2	3,0	1,9	8,3	11,8	2,6
Приморский край	37,1	15,9	11,0	6,5	6,0	1,3	6,7	13,2	2,3
Хабаровский край	31,6	10,9	19,9	6,7	8,4	1,9	9,2	8,0	3,4
Амурская область	41,6	17,8	9,7	6,7	2,3	0,8	5,9	10,9	4,3
Магаданская область	51,5	9,7	9,5	3,2	0,9	0,1	10,7	12,0	2,4
Сахалинская область	37,3	12,1	11,0	5,5	3,3	0,8	7,4	15,1	7,5
ЕАО	39,4	11,0	6,9	7,0	5,4	2,6	10,8	12,9	4,0
ЧАО	36,5	5,7	9,4	2,9	5,1	3,8	10,0	14,5	12,1
ДФО	36,6	12,1	12,1	6,0	5,4	1,5	9,7	11,2	5,4
2016 год									
Республика Саха (Якутия)	30,5	5,2	6,9	5,1	5,3	2,4	22,2	9,0	13,4
Камчатский край	49,7	10,1	8,6	4,4	3,0	1,6	8,8	10,9	2,9
Приморский край	37,0	12,9	10,1	11,5	5,0	1,4	5,9	9,8	6,4
Хабаровский край	32,2	9,5	20,5	5,6	8,2	1,6	14,2	6,5	1,7
Амурская область	45,0	9,9	7,6	7,4	5,3	2,8	7,2	11,7	3,1
Магаданская область	56,4	7,7	9,9	4,4	1,3	0,6	6,3	11,9	1,5
Сахалинская область	42,6	11,5	10,1	5,1	2,5	1,1	10,9	12,1	4,1
ЕАО	42,2	8,2	5,6	9,4	4,7	0,5	12,8	12,0	4,6
ЧАО	34,1	5,0	7,8	4,1	7,4	5,8	8,8	15,1	11,9
ДФО	37,2	9,8	11,8	7,2	5,5	1,8	11,7	9,4	5,6

Источники: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096812812;
Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: стат. сб. / Росстат. М., 2017.

Несомненно, что перераспределение удельных расходов в пользу сферы услуг сказалось на сокращении удельных расходов на покупку непродовольственных товаров: в Хабаровском крае – на 1,3 п.п., в Магаданской области – на 1,2 п.п., в ЕАО – на 0,8 п.п., в Камчатском крае и Амурской области – на 0,6 п.п.. В этом сегменте рост зафиксирован в Приморском крае (+4,7 п.п.), ЧАО (+3,3 п.п.) и Сахалинской области (+1 п.п.). В первую очередь сокращение коснулось одежды, обуви, белья и тканей (–2,8 п.п. в целом по ДФО), то есть тех предметов, которыми за последние десятилетия каждое домашнее хозяйство, в принципе, имело возможность насытить и разнообразить свой гардероб. Созданный запас позволяет безболезненно отказаться на время от новых покупок. То же самое касается и теле- и радиоаппаратуры (–0,6 п.п.): число телевизоров в отдельных домохозяйствах достигает порой количества членов семей или комнат в жилье. Схожая ситуация наблюдается и с медицинскими товарами и предметами гигиены (–0,7 п.п.), которые длительное время приобретались под влиянием массовой рекламы СМИ, пропагандирующих здоровый образ жизни и повышенный комфорт. И в этом случае значительные запасы таких «полезных» товаров, не являющихся предметами первой необходимости, сказались на изменении потребительских предпочтений. Безусловным лидером по приросту удельных расходов остаётся приобретение и обслуживание транспортных средств, являющихся не только средствами передвижения, но и зачастую средствами производства в сфере предпринимательства.

Заключение

Анализ динамики и структуры доходов и расходов населения в дальневосточных субъектах РФ в 2016 г. позволил сформулировать следующие выводы:

- сохранилась положительная динамика роста номинальных среднедушевых доходов населения, среднемесячной заработной платы и среднемесячных назначенных пенсий населения в ДФО;
- практически не выросли номинальные среднедушевые доходы (всего +0,3% к уровню 2015 г.), так как даже при росте номинальной заработной платы (+6,5%) продолжает сокращаться её доля в доходах населения, а рост номинальных среднемесячных назначенных пенсий оказался слишком мал (+2,7%);
- прирост реальных доходных показателей оказался отрицательным как в целом по ДФО, так и по субъектам РФ, входящим в него;
- под влиянием кризисных явлений в экономике в 2016 г. сократились номинальные размеры располагаемых ресурсов домашних хозяйств в ДФО (–1,6% к уровню 2015 г.);
- в отличие от среднероссийских показателей в целом по ДФО произошло сокращение номинальных размеров располагаемого денежного дохода в расчёте на члена домашнего хозяйства (–0,8% к уровню 2015 г.);
- возможно, исчерпав свои сбережения и не надеясь на гарантированные источники дохода, дальневосточники существенно сократили привлечение заёмных и «отложенных» средств в оборот своих располагаемых ресурсов (–12,9% к уровню 2015 г.);
- в структуре расходов на конечное потребление домашние хозяйства ДФО, вынужденные оплачивать растущие тарифы на жилищно-коммунальные услуги, услуги пассажирского транспорта, были поставлены перед необходимостью сократить удельные расходы на питание (–3 п.п. по сравнению с 2015 г.) и непродовольственные товары (–2,3 п.п.);
- в структуре расходов на питание произошло сокращение доли расходов на продукты

белковой группы (на мясо и рыбу) за счёт увеличения расходов на «углеводы» (хлеб, сахар и кондитерские изделия), что соответствует кризисному потребительскому поведению;

- в структуре расходов на непродовольственные товары чётко прослеживается потребительская стратегия, ориентированная на снижение второстепенных расходов и использование созданных запасов, исключение составляют расходы на приобретение и обслуживание транспортных средств, которые в большинстве домохозяйств не являются предметами роскоши, а средством передвижения и даже производства (в сфере предпринимательства);

- на фоне демографических трендов и меняющейся возрастной структуры населения выросла численность лиц пенсионного возраста, что увеличило нагрузку на трудоспособное население и усугубило положение на рынках труда макрорегиона;

- несмотря на рост покупательной способности доходов, заработной платы и пенсий населения в отдельных дальневосточных субъектах РФ, в сравнении со стоимостью прожиточного минимума их реальное содержание продолжает оставаться значительно ниже, чем в среднем по России, и, самое главное, значительно ниже, чем в тех регионах страны, куда в основном предпочитают мигрировать дальневосточники;

- продолжает увеличиваться не только численность бедного населения, но и скорость роста доли бедных в семи из 9 дальневосточных субъектов РФ, которая остается выше среднероссийского уровня;

- за внешне относительно благополучными по сравнению со среднероссийскими показателями дифференциации доходов населения в ДФО скрывается расширение экономического и социального расслоения внутри субъектов РФ, обусловленное особенностями пространственной дифференциации факторов производства и различной степенью последствий кризисных явлений.

Согласно проведённому исследованию, расходы и потребительское поведение домашних хозяйств ДФО в 2016 г. можно охарактеризовать как инфляционное ожидание, проявляющееся в «экономии на потреблении товаров и услуг» с целью сохранения если не привычного, то хотя бы достойного уровня жизни с учётом «адаптации к экономическим изменениям» [12]. Таким образом, несмотря на многочисленные призывы и действия со стороны официальных органов, ожидаемое повышение уровня и качества жизни в дальневосточных субъектах РФ, широко освещаемое в СМИ, пока не наблюдается.

Список литературы

1. Голяшев А.В., Григорьев Л.М., Лобанва А.А., Павлюшина В.А. Особенности выхода из рецессии: доходы населения и инфляция // *Пространственная экономика*. 2017. № 1. С. 99–124. DOI: 10.14530/se.2017.1.099-124
2. Изотов Д.А. Дальний Восток: новации в государственной политике // *ЭКО*. 2017. № 4. С. 27–44.
3. Исаев А.Г. Территории опережающего развития: новый инструмент региональной экономической политики // *ЭКО*. 2017. № 4. С. 61–77.
4. Крюков В.А. Недалёкий Восток // *ЭКО*. 2017. № 4. С. 2–4.
5. Минакир П.А. Новая восточная политика и экономические реалии // *Пространственная экономика*. 2015. № 2. С. 7–11. DOI: 10.14530/se.2015.2.007-011
6. Минакир П.А. О стратегиях роста российской экономики // *Пространственная экономика*. 2016. № 2. С. 158–167. DOI: 10.14530/se.2016.2.158-167
7. Минакир П.А., Прокапало О.М. Российский Дальний Восток: экономические фобии и геополитические амбиции // *ЭКО*. 2017. № 4. С. 5–26.

8. Мотрич Е.Л. Демографическая ситуация на Дальнем Востоке России: основные тренды и вызовы // Народонаселение. 2016. Т. 1. № 1 (71-1). С. 25–33.
9. Мотрич, Е.Л., Найдено С.Н. Демографические реалии и социальные перспективы регионов Дальнего Востока и Забайкалья // Уровень жизни населения регионов России. 2015. № 1. С. 84–94.
10. Найдено С.Н., Грицко М.А. Реакция региональной социальной системы на институциональные и инвестиционные шоки // Регионалистика. 2016. Т. 3. № 6. С. 6–22.
11. Найдено, С.Н., Мотрич Е.Л., Грицко М.А. Региональный мониторинг качества жизни населения: Хабаровский край и Дальний Восток // Уровень жизни населения регионов России. 2014. № 2. С. 75–85.
12. Население России в 2016 году: доходы, расходы и социальное самочувствие. Мониторинг НИУ ВШЭ. Июль 2016 / под ред. Л.Н. Овчаровой. М.: НИУ ВШЭ, 2016. 44 с.
13. Прокапало О.М., Исаев А.Г., Мазитова М.Г. Экономическая конъюнктура в ДФО в 2016 г. // Пространственная экономика. 2017. № 2. С. 138–173. DOI: 10.14530/se.2017.2.138-173
14. Прокапало О.М., Найдено С.Н., Мотрич Е.Л., Бардадь А.Б. Российский Дальний Восток: экономические тренды. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2017. 66 с.
15. Туровский Р. Зависший на переходе. URL: <http://www.eastrussia.ru/material/zavisshiy-na-perekhode/> (дата обращения: 23.03.2017).

References

1. Grigoryev L.M., Golyashev A.V., Buryak E.V., Lobanova A.A., Kulpina V.P. Features of Recession Recovering: Income and Inflation. *Prostranstvennaya ekonomika = Spatial Economics*. 2017. No. 1. Pp. 99–124. DOI: 10.14530/se.2017.1.099-124 (In Russian)
2. Izotov D.A. The Current Government Decisions for Economic Development of the Russian Far East: a Critical View // *ECO*. [ECO]. 2017. No. 4. Pp. 27–44. (In Russian)
3. Isaev A.G. The Territories of Accelerated Development: New Instrument of Regional Economic Policy. *EKO* [ECO]. 2017. No. 4. Pp. 61–77. (In Russian)
4. Kryukov V.A. The Near East. *EKO* [ECO]. 2017. No. 4. Pp. 2–4. (In Russian)
5. Minakir P.A. New Eastern Policy and Economic Realities. *Prostranstvennaya ekonomika = Spatial Economics*. 2015. No. 2. Pp. 7–11. DOI: 10.14530/se.2015.2.007-011 (In Russian)
6. Minakir P.A. New On the Growth Strategies of the Russian Economy. *Prostranstvennaya ekonomika = Spatial Economics*. 2016. No. 2. Pp. 158–167. DOI: 10.14530/se.2016.2.158-167 (In Russian)
7. Minakir P.A., Prokapalo O.M. The Russian Far East: Economic Phobias and Geopolitical Ambitions. *EKO* [ECO]. 2017. No. 4. Pp. 5–26. (In Russian)
8. Motrich E.L. Demographic Situation in the Russian Far East: The Key Trends and Challenges. *Narodonaselenie* [The Population]. 2016. Vol. 1. No. 1 (71-1). Pp. 25–33. (In Russian)
9. Motrich E.L., Naiden S.N. Demographic Realities and Prospects of the Regions in the Far East and Trans-Baikal. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards in the Regions of Russia]. 2015. No. 1. Pp. 84–94. (In Russian)
10. Naiden S.N., Gritsko M.A. Reaction of Regional Social System on Institutional and Investment Shocks. *Regionalistika* [Regionalistics]. 2016. Vol. 3. No. 6. Pp. 6–22. (In Russian)
11. Naiden S.N., Motrich E.L., Gritsko M.A. Regional Monitoring Quality of Life of the Population: Khabarovsk Territory and the Far East. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards in the Regions of Russia]. 2014. No. 2. Pp. 75–85. (In Russian)
12. *The Population of Russia in 2016: Incomes, Expenses and Social Well-Being. Monitoring of National*

Research University «Higher School of Economics». July 2016. Ed. by L.N. Ovcharova. Moscow, 2016. 44 p. (In Russian)

13. Prokapalo O.M., Isaev A.G., Mazitova M.G. Economic Situation in the Far Eastern Federal District in 2016. *Prostranstvennaya ekonomika = Spatial Economics*. 2017. No. 2. Pp. 138–173. DOI: 10.14530/se.2017.2.138-173 (In Russian)

14. Prokapalo O.M., Naiden S.N., Motrich E.L., Bardal A.B. *Russian Far East: Economic Trends*. Khabarovsk, 2017. 66 p. (In Russian)

15. Turovskiy R. *Hanged on Transition*. Available at: <http://www.eastrussia.ru/material/zavisshiy-na-perekhode/> (accessed 23 March 2017). (In Russian)

■■■■
Для цитирования:

Найден С.Н. Мониторинг доходов и расходов населения Дальнего Востока: итоги 2016 года // Регионалистика. 2017. Т. 4. № 4. С. 5–28. DOI: 10.14530/reg.2017.4

For citing:

Naiden S.N. Monitoring of Incomes and Expenses of the Population of Russian Far East: Results of 2016. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2017. Vol. 4. No. 4. Pp. 5–28. (In Russian) DOI: 10.14530/reg.2017.4

**КРАСНОПОЛЬСКИЙ
Борис
Хананович**

Доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник

Институт экономических исследований ДВО РАН,
ул. Тихоокеанская, 153,
Хабаровск, Россия, 680042

**KRASNOPOLSKI
Boris
Khananovich**

Doctor in economics,
professor, chief researcher

Economic Research
Institute FEB RAS,
153, Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680042

boriskrasno@gmail.com

© Краснопольский Б.Х., 2017

УДК 332.1 + 338.24

ТИХООКЕАНСКАЯ АРКТИКА: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ВОЗМОЖНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ

Значительные изменения в геополитической, экономической и экологической сферах во всей зоне Арктики и в её экономико-географической подзоне – Тихоокеанской Арктике – требуют постоянного внимания к изучению этих процессов. В данном случае весьма интересен подготовленный учёными Университета штата Аляска доклад, в особенности в связи с перспективами развития морских перевозок в арктических районах Тихого Океана и Берингова пролива. Этот доклад даёт возможность и российской стороне пересмотреть ряд подходов к развитию транспортных путей в данной подзоне Арктики и к освоению её природных ресурсов.

Арктическая зона Российской Федерации, Тихоокеанская Арктика, инфраструктура морских арктических перевозок, международное сотрудничество, Северный морской путь, Северо-Западный проход

PACIFIC ARCTIC: CURRENT SITUATION AND POSSIBLE DIRECTIONS OF DEVELOPMENT

Significant changes in the geopolitical, economic and environmental spheres throughout the Arctic and its economic-geographic subzone – Pacific Arctic – require constant attention to the study of these processes. In this case, a very interesting report of the University of Alaska was prepared, particularly those related to the development of maritime transport in the Arctic regions of the Pacific Ocean and the Bering Strait. This report provides an opportunity to review a number of approaches of the Russian side to the development of transport routes in this subzone of the Arctic and to develop its natural resources.

Arctic zone of the Russian Federation, Pacific Arctic, marine transportation infrastructure in the Arctic, international cooperation, Northern Sea Route, Northwest Passage

Работа выполнена в рамках программы фундаментальных исследований РАН «Поисковые фундаментальные научные исследования в интересах развития арктической зоны Российской Федерации» (44П), проект «Экономические и экологические аспекты развития арктических регионов Дальнего Востока России».

Введение

Разведка и освоение месторождений углеводородов на арктическом шельфе требуют расширения сезонных морских перевозок в акваториях морей Северного Ледовитого океана. При этом следует иметь в виду, что международные нормы и стандарты по осуществлению морских перевозок в Арктике для судов были серьезно скорректированы с 1 января 2017 г., когда был введен в действие новый, обязательный Полярный кодекс¹ Международной морской организации (ИМО).

Всё расширяющиеся масштабы экономической деятельности, как и изменения в институтах, её регламентирующих в части охраны окружающей среды и создания условий для развития аборигенного населения, ставят на повестку целый ряд вопросов, имеющих, несомненно, не только практический, но и научный интерес.

В этом отношении большой интерес для российских исследователей представляет сравнительно недавно подготовленный исследователями из Университета штата Аляска [8] под научным руководством Лоусона Бригэма (Lawson Brigham) доклад, который посвящён решению ряда ключевых проблем штата Аляска как форпоста США в Тихоокеанской Арктике (ТА)².

В центре внимания авторов этого доклада находятся проблемы использования экономических возможностей ТА, возникающие в контексте возрастания требований к экологической безопасности и на фоне всё более масштабного использования арктических морских перевозок, связанных в первую очередь с использованием Берингова пролива, Северного морского пути (СМП) и Северо-Западного арктического прохода (СЗП, Northwest Passage). Аляска в этом плане выступает неким перекрёстком морских коммуникаций центральных районов западного побережья США и Северо-Западного прохода.

По мнению автора, эти проблемы имеют непосредственное отношение и к российской части ТА. Здесь Чукотский автономный округ (ЧАО) также можно рассматривать как форпост, но уже России в ТА, а Берингов пролив становится своеобразным перекрёстком СМП и Дальневосточного морского транспортного коридора. Кроме этого, пограничное с США положение ЧАО придаёт этой территории и весьма серьёзный геополитический статус, который требует самого внимательного отношения к тому, что делается у соседа, и своевременной реакции на его настоящие и перспективные, подчас кардинальные изменения в решении политических, экономических и экологических задач в данном арктическом регионе.

В общем, ТА с Беринговым проливом³, объединяющим различного рода интересы обеих стран, по большому счёту, действительно представляет собой большой перекрёсток морских дорог арктического направления (российского СМП и американо-канадского СЗП) и морских путей из Дальнего Востока, Северо-Восточной Азии и западных районов США.

Что касается рассматриваемого доклада учёных Аляски, то в своей основе он исходит из основных положений Национальной стратегии США для Арктического региона (U.S. National

¹ Полярный кодекс регламентирует все вопросы, связанные с проектированием, строительством, оборудованием, оперированием, подготовкой экипажей, поиском и спасением, а также защитой окружающей среды, применительно к судам, работающим в полярных водах. Полярный кодекс будет применяться к новым судам, построенным после этой даты. Суды, построенные до 1 января 2017 г., должны быть приведены в соответствие с требованиями Полярного кодекса к моменту очередного освидетельствования, которое пройдёт после 1 января 2018 г.

² Тихоокеанская Арктика в данной работе – это своеобразная акваториальная система, включающая Аляску и Чукотку и акватории Чукотского и Берингового морей. Своего рода центром этой системы является Берингов пролив.

³ Берингов пролив – это не только ключевой водораздел между Азией (мыс Дежнёва на российской Чукотке) и Северной Америкой (мыс Принца Уэльского на американской Аляске). Это ещё и единственная точка прохода для всех государств Азиатско-Тихоокеанского региона из морей Тихого океана в моря Северного Ледовитого океана.

Strategy for the Arctic Region), принятой в 2014 г. Сформулированные в рамках этой стратегии (рассчитанной на десять лет) основные направления развития региона естественным образом оказались в исследовательском фокусе учёных Университета штата Аляска.

Морские перевозки в ТА

Прежде чем перейти к рассмотрению содержания доклада, автор посчитал целесообразным кратко остановиться на состоянии морских перевозок в ТА. Для этого воспользуемся данными, предоставляемыми Автоматической идентификационной системой (АИС), которая отслеживает прежде всего движение крупных коммерческих судов.

Анализ сезонного движения морских судов у побережья США указывает на высокую концентрацию буксиров и барж, что связано в основном с каботажем грузов для снабжения прибрежных посёлков и общин коренных народностей, нефтедобычи в Прадо-бей и т. д. При этом имеют место и незначительные перевозки навалочных грузов (20–28 судов), в основном связанных с перевозками цинковой руды с месторождения Red Dog. Что касается наливных грузов, то движение танкеров в прибрежных водах США невелико.

На российской стороне Берингова пролива система наблюдения АИС Аляски указывает на активные морские перевозки в летне-осенний период каждого года (с июня по октябрь), в основном осуществляемые танкерами, навалочными и контейнерными судами, перевозчиками сжиженного природного газа (СПГ) в сопровождении ледоколов и вспомогательных судов по трассе СМП.

Данные по движению судов через Берингов пролив с обеих сторон (американской и российской) показывают, что в 2012 г. в период между 26 июня и 18 ноября пролив пересекли 154 судна в северном направлении и 162 судна в южном направлении (всего – 316 судов). Около 30 транзитов были связаны с нефтяными операциями и проведением в зоне США разведки нефтяных месторождений в Чукотском море и море Бофорта компанией Shell. Данные за 2013 г. показывают незначительное увеличение морского транзита через Берингов пролив, который включал 339 судов всех типов (167 в северном направлении, 172 – в южном). Причём большая часть движения судов на американской стороне была связана с каботажными перевозками, а также с транзитом по СЗП¹.

Что касается транзитных перевозок по СМП с российской стороны, то, по данным экспортеров, в 2015 г. их количество сократились: всего было перевезено 39,6 тыс. т транзитных грузов, что в 6,9 раз ниже уровня 2014 г. (транзит наливных грузов в 2015 г. отсутствовал). В направлении запад-восток было перевезено 19 тыс. т, восток-запад – 20,6 тыс. т. По итогам 2015 г. было осуществлено 18 транзитных рейсов, в том числе 8 рейсов судами под иностранным флагом (против 23 транзитных рейсов, в том числе 6 судами под иностранным флагом, в 2014 г.).

Конечно, движение судов в ТА напрямую обусловлено сезонными изменениями ледовых условий. В течение шести зимне-весенних месяцев присутствие даже сравнительно «молодого» морского льда мешает прохождению не только отдельных судов, но и в составе крупных ледокольных проводок.

Помимо всего прочего следует обратить внимание на тот факт, что уровень инфраструктурного обеспечения морских перевозок на побережье Аляски много выше того, что имеется на Чукотке. Однако в нынешней ситуации конфронтации между Россией и США российские суда

¹ Подробно этот сюжет был рассмотрен автором в [3].

в транзитных рейсах вдоль Северного морского пути не имеют стимулов заходить в американские воды и использовать морские порты Аляски и её каботажный флот в качестве поддержки при проводке караванов судов даже в условиях чрезвычайных ситуаций. Хотя, как считают американские исследователи, Аляска с её достаточно развитой береговой инфраструктурой могла бы осуществлять вспомогательные функции более высокого качества, чем порты ЧАО, которые ещё не достигли соответствующего уровня развития.

Что же касается пассажирских и туристических рейсов в ТА, то их число несколько увеличилось с обеих сторон, но они по-прежнему составляют незначительную часть морских перевозок. Дело в том, что эти перевозки требуют специальных систем управления и контроля за их движением (систем безопасности, береговых систем поддержки и т. д.), которые пока не развиты на территориях обеих стран.

Северный морской путь и Северо-Западный проход

СМП имеет большое значение не только с точки зрения реализации экономических интересов Российской Федерации, но и обеспечения потенциальных экономических возможностей для Аляски, а также решения проблем экологической безопасности для всей ТА. Увеличение интенсивности летне-осеннего сезона навигации на протяжении СМП весьма перспективно для Аляски в части возможностей вывоза её продукции на европейские рынки. Весьма значительные объёмы цинковой руды с месторождения Red Dog и угля с северо-запада штата могут быть отправлены по СМП. Также вполне вероятно, что более низкие транспортные расходы могут сделать рентабельными поставки аляскинских морепродуктов по СМП потребителям в Центральной и Западной Европе.

Но вряд ли СМП в ближайшие годы будет функционировать круглый год, скорее всего сезон навигации не будет превышать 5–6 месяцев. Поэтому судоходные возможности СМП для США должны быть основательно продуманы и просчитаны, чтобы они стали экономически жизнеспособны.

Здесь на первое место выходит дальнейшее развитие Сабетты – базового морского порта на полуострове Ямал, расположение которого является стратегическим для облегчения судоходства по СМП в части поставок углеводородов в порты Европы, а также на рынки Китая, Кореи и Японии и в порты Северной и Южной Америк.

В этой связи наибольшие объёмы грузоперевозок по СМП, видимо, будут всё-таки сконцентрированы на чукотском направлении в обход побережья Чукотки. Скорее всего, значительная часть трафика СМП будет проходить к западу российско-американской морской границы в Беринговом море с выходом в Берингов пролив.

При этом следует иметь в виду, что уже в ближайшее время СМП столкнётся с рядом значительных проблем, в числе которых:

- 1) Создание постоянно действующей жизнеспособной системы для оказания различных услуг в перевозках и повышение прозрачности в системе оплаты фактических сборов для плавания, учитывая, что обязательные ледокольные сборы устанавливаются на круглогодичной основе независимо от фактического использования услуг ледокола в сезон морского транзита.
- 2) Замена устаревшего российского ледокольного флота. Россия имеет сейчас пять атомных ледоколов, четыре из которых должны быть заменены в ближайшее время. Общее старение ледокольного флота является важным вопросом, поскольку эти корабли играют ключевую роль в сопровождении конвоев судов вдоль СМП.

3) Применение нового Полярного кодекса ИМО для операций и регулирования на трассе СМП. От того, насколько быстро и эффективно Россия и международное морское сообщество смогут приспособиться к его новым требованиям, будет зависеть морское движение вдоль СМП.

4) Ускорение темпов создания российской арктической морской инфраструктуры для повышения безопасности морских перевозок и охраны окружающей среды вдоль СМП.

5) Развитие морской страховой отрасли, которая будет заниматься управлением рисками при плавании судов по СМП. Пока управление рисками, как правило, находилось за пределами стандартного страхового покрытия, что приводило к увеличению расходов перевозчиков.

6) Максимально возможное расширение периода навигации и сезонных перевозок в летне-осенний период с таким расчётом, чтобы грузоотправители могли создать жизнеспособные и экономически выгодные системы эксплуатации СМП.

Что касается СЗП и его канадской арктической части, то развитие этого направления арктических перевозок также связано со многими проблемами¹. Сложность различных маршрутов СЗП, постоянно меняющиеся параметры морских ледовых условий, ограничивающих морской транзит, отсутствие обслуживающей инфраструктуры и чёткой документации по навигации, высокие эксплуатационные расходы (включая морское страхование) и др. – все эти факторы делают регулярные коммерческие перевозки через СЗП в лучшем случае неопределёнными².

Поэтому в обозримой перспективе СЗП будет иметь дело с относительно скромным числом коммерческих судов, опирающихся на минимальное число судов поддержки и объектов морской инфраструктуры. По этому пути будут курсировать исследовательские и небольшие круизные туристические суда, которые будут пересекать территории арктической зоны США и канадской Арктики по нескольким проработанным маршрутам.

Таким образом, можно сделать вывод: Северо-Западный арктический проход вдоль арктических территорий Аляски и Канады ни в коей мере не будет выступать конкурентом российского Северного морского пути, который имеет весьма существенные перспективы для своего развития. Как считают эксперты, Канада вообще не уделяет должного внимания превращению СЗП в жизнеспособный морской маршрут. В то же время Россия гораздо больше готова к тому, чтобы превратить СМП в привлекательную альтернативу Суэцкому каналу. У России есть атомные ледоколы, и она продолжает их строительство.

Кроме того, Россия создаёт вдоль маршрута следования десять центров экстренного реагирования, которые будут расположены от Чукотки до Баренцева моря и в которых будет спасательная, противопожарная и вертолётная техника. Без подобных центров любые коммерческие операции в Арктике чреваты огромными рисками. Эти риски будут существенно снижены, как только Россия развернёт цепочку таких центров. Эти центры экстренного реагирования будут приводиться в действие, когда на танкерах будет обнаруживаться утечка нефти или вредных веществ.

Канада в плане развития СЗП отстаёт, хотя она имеет определённые финансовые возможности для развития своей части этого пути и его инфраструктуры. Её проблемы больше связаны с географией и с геополитикой.

¹ Здесь нужно отметить, что после первого полного сквозного исследовательского транзита через СЗП в 1903–1906 гг., выполненного знаменитым норвежским исследователем Р. Амундсеном, до конца сезона 2014 г. было выполнено только 184 таких транзита. Большинство недавних туристических рейсов было проведено искателями приключений на небольших судах и исключительно в летний период.

² Ожидания увеличения объёмов морского судоходства в этом регионе связаны с развитием будущей добычи углеводородов в канадской Арктике, что позволит минимизировать цены на морские перевозки.

С точки зрения географии у СЗП есть ряд недостатков. Прежде всего, через многочисленные острова Канадского архипелага не проходит чётко обозначенный маршрут, в то время как СМП идёт в основном вдоль побережья России без серьёзных островных помех. Кроме того, у Канады вдоль СЗП очень мало объектов береговой инфраструктуры. В посёлки, находящиеся вдоль маршрута (такие, как Кембридж Бей и Резольют), из других мест Канады можно попасть только самолётом. В то же время для России благоприятным фактором является то, что на СМП находятся незамерзающий порт Мурманск и активно развивающийся порт Сабетта, который также сможет работать круглый год с перевозчиками СПГ на европейском направлении. Хотя оба маршрута – СМП и СЗП – лежат примерно в одних и тех же широтах (чуть южнее 70° с.ш.), СЗП в целом больше покрыт льдом. А поскольку у Канады нет ледоколов, необходимых для проводки судов через СЗП, компании с неохотой переносят свои грузоперевозки из Суэцкого канала в Северо-Западный проход.

С точки зрения геополитики суверенитет Канады над СЗП оспаривается США. По поводу СМП никаких споров нет, потому что он пролегает вблизи российского побережья и находится целиком в российской юрисдикции. Хотя некоторые специалисты говорят о необходимости интернационализации СМП как международной арктической морской линии.

Российская часть Чукотского моря также имеет очень хорошие перспективы обнаружения углеводородных месторождений, но это является ещё более сложным делом, чем в американской части Чукотского моря.

Совместные предприятия компаний Роснефть и ExxonMobil являются операторами шельфовых лицензий, в том числе в арктических морях: Карском, Лаптевых и Чукотском. Проекты находятся на стадии геологоразведки, первая поисковая скважина была пробурена в 2014 г. К сожалению, вскоре компании Роснефть пришлось принять решение самостоятельно проводить данные работы после запрета властей США на работу ExxonMobil с российскими компаниями в рамках принятых санкций против нашей страны. Но всё-таки существует надежда, что сотрудничество между этими компаниями будет восстановлено, так как это в экономических интересах обеих стран.

Развитие инфраструктуры и рекомендации доклада

Теперь рассмотрим предложения исследователей из Университета штата Аляска, имеющие отношение ко всей ТА. Эти предложения можно объединить в следующие группы: а) мониторинг; б) создание глубоководных портов и арктических транспортных коридоров; в) обновление флота.

Мониторинг «по-алаяски» включает формирование международной сети наблюдений за состоянием навигационной и экологической обстановки в Арктике и в том числе в ТА. И, что не менее важно, создание опять-таки международной информационной системы, обеспечивающей её участников не только гидрографической информацией, но и сведениями о движении судов, объёмах перевозки грузов, численности морского персонала и организаций-перевозчиков и др. Показательно, что исследователи обращают внимание на два обстоятельства: во-первых, международный характер и систем мониторинга, и информационных систем (причём предполагается участие не только «северных» стран, но и всех других стран, заинтересованных в развитии морских перевозок в арктических морях); во-вторых, создание подобных систем потребует не только времени, но и значительных финансовых средств.

Что касается создания сети глубоководных портов в ТА, то, как и в случае с развитием

транспортных коридоров в Арктике, это направление в явном виде связано с реализацией стратегических решений по освоению природных ресурсов региона. Недавние изыскания Инженерного корпуса армии США в этой области показали необходимость создания глубоководного порта на Аляске. Сценарии решения этой проблемы на Аляске в долгосрочной перспективе (50 лет) были разработаны с учётом двух факторов: развитие в ТА разведки и добычи природных ресурсов и широкое использование совместных инвестиций в рамках государственно-частного партнёрства.

Вместе с созданием глубоководных портов в ТА рассматривается и формирование Арктических транспортных коридоров, опирающихся на береговые узлы, которые будут интегрировать по мультимодальному принципу и морские транзитные, и все другие виды прибрежного транспорта (автодороги, речной, морской, воздушный и трубопроводный транспорт), и системы энергоснабжения. Всего на Аляске предполагается сформировать три таких коридора:

- 1) Сквозной транзитный коридор СЗП вдоль побережья штата с инфраструктурными узлами поддержки;
- 2) Коридор Северного Склона, включая мультимодальный узел транспортной системы, который будет сосредоточен на добыче нефти и газа;
- 3) Коридор западного арктического побережья Аляски с мультимодальной транспортной системой, ориентированной на развитие шельфовой зоны и наземную добычу природных ресурсов.

Ещё одно предложение аляскинских исследователей по развитию ТА – это обновление полярного и ледокольного флота, в том числе и для обеспечения малого каботажного флота. О состоянии российского ледокольного флота было сказано ранее. Что касается Аляски, то неразвитость ледокольного флота США (всего два небольших корабля полярного класса) ставит здесь серьёзные задачи: во-первых, создание достаточно мощных и современных ледоколов для транзитных проводок; во-вторых, расширение и укрепление флота небольших ледоколов для береговой охраны и каботажных перевозок; в-третьих, строительство в свете достижений передовых морских технологий современных коммерческих судов ледового класса, способных осуществлять морские перевозки в арктических водах без сопровождения ледоколов (уже сегодня многие арктические коммерческие перевозчики, действующие в районах как российской, так и канадской зон Арктики, не требуют ледокольного сопровождения в середине сезона навигации).

Наконец, следует обратить внимание ещё на одно предложение, а именно касающееся развития систем навигационной и экологической безопасности. На Аляске данные проблемы предполагается решать по двум основным направлениям: укрепление материально-технического обеспечения и финансирования береговой охраны и создание мобильных групп кораблей, осуществляющих постоянное дежурство в наиболее рискованных районах. И то, и другое предполагают международное сотрудничество и кооперирование.

В качестве рекомендаций на ближайшую перспективу (до 2023 г.) авторами доклада представлены следующие предложения по развитию Аляски:

1. Береговая охрана США на Аляске: контролировать активное внедрение и использование нового Полярного кодекса всеми участниками морских транспортных перевозок.
2. Штат Аляска и Университет штата Аляска: развивать стратегические партнёрские отношения между компаниями-перевозчиками и исследователями университета; одновременно усилить координацию совместных исследовательских разработок с университетами из Норвегии и Сингапура, касающихся добычи природных ресурсов в ТА, грузовых перевоз-

ок и обмена продукцией, других морских транспортных проблем, контроля чрезвычайных ситуаций и др.¹

3. Развитие рыбной промышленности: исследовать экономические возможности США, в первую очередь штата Аляска, по поставкам в Европу продукции рыбной промышленности в летний сезон навигации вдоль российского СМП.

4. Береговые корпорации коренных жителей: вступить в переговоры с российскими центральными и местными властями, а также с исследовательскими организациями по изучению возможностей и экономической целесообразности транспортировки СПГ с Ямала (порт Сабетта) в летне-осенний сезон на западное побережье Аляски.

5. Штат Аляска: создать целевую рабочую группу, включающую представителей бизнес-сообщества штата и федеральных ведомств, чтобы исследовать проблемы финансирования арктической морской инфраструктуры и создания глубоководного порта на Аляске на базе использования всех форм государственно-частного партнёрства.

6. Штат Аляска: фондировать программу проведения всеобъемлющего исследования деятельности коренных народностей штата, связанной с использованием арктических ресурсов, что предусматривается в рекомендациях Арктического Совета; в этих целях собрать и обобщить все имеющиеся данные из местных общин, коммерческих предприятий, государственных учреждений и федеральных агентств.

7. Штат Аляска: создать при администрации штата должность Координатора арктического морского транспорта, который будет отслеживать тенденции в арктических перевозках и осуществлять разработку стратегии для развития арктической морской инфраструктуры, работая с множеством заинтересованных сторон и субъектов, включая федеральные учреждения, коммерческие предприятия и иностранных партнёров.

8. Гидрография и картирование: всем учреждениям, действующим в этой области, во взаимодействии с государством и другими федеральными учреждениями, обеспечить отражение в гидрографических планах потребностей арктических территорий, прибрежных портов и национальных общин; региональные морские карты имеют решающее значение для содействия экономическому развитию во многих прибрежных общинах.

9. Штат Аляска: определить долгосрочное финансирование для повышения осведомленности морских перевозчиков в арктических водах Аляски.

Что же касается рекомендаций исследователей Университета штата Аляска на долгосрочную перспективу (2024–2035 гг.), то они могут быть объединены в три группы.

Первая группа предполагает разработку всеобъемлющего стратегического плана для развития интермодальных транспортных сетей и узлов на территории штата для его связи с портами Арктики, которые будут осуществлять экспорт природных ресурсов Аляски на мировые рынки.

Вторая группа рекомендаций связана с созданием рабочей группы из представителей властей штата и транспортных компаний для изучения возможностей и экономических выгод от использования российского СМП для поставки природных ресурсов штата на мировые рынки и расширения сезонов навигации; также предлагается участие российских ледокольных компаний в совместной работе в области расширения торговли с заинтересованными сторонами штата Аляска.

¹ Почему-то здесь не присутствуют российские университеты и исследовательские организации, в том числе расположенные на Дальнем Востоке, которые непосредственно ориентированы на решение перечисленных выше проблем на российской стороне Тихоокеанской Арктики.

Наконец, третья группа рекомендаций непосредственно связана с освоением месторождений углеводородов на арктическом шельфе и предполагает разработку стратегии профессиональной подготовки работников для этой весьма специфической сферы деятельности. Причём для разработки и реализации этой стратегии предполагается использовать как государственные учебные программы, так и учебные программы Университета штата Аляска.

Выводы для российской стороны

Рассмотренный доклад аляскинских учёных даёт возможность сделать ряд выводов, значимых для российской стороны.

В России есть много исследований, посвящённых развитию арктической зоны страны в целом и её Дальневосточного сектора в частности¹. Но масштабное и взаимосвязанное практически по всем научным направлениям комплексное исследование развития ТА, включая её российскую часть, а также американских и канадских соседей, сопоставимое с тем, которое было проведено на Аляске, на сегодняшний день в России не выполнялось. Хотя при этом у дальневосточных университетов и академических институтов ДВО РАН существует достаточный научный потенциал для выполнения подобных исследований и мониторинга всех тех быстро изменяющихся событий и обстоятельств в ТА, представляющей огромный геополитический, экономический и экологический интерес для нашей страны. Препятствиями к этому служат недостаточное государственное внимание, плохая координация и отсутствие целевого финансирования данных исследований.

Уже сегодня эти вопросы могли бы быть инициированы и в существенной степени решены в рамках существующих в ДФО федеральных правительственных структур и так называемых институтов развития Дальнего Востока. К ним относятся:

- 1) Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока.
- 2) Представитель Президента РФ в ДФО.
- 3) Фонд развития Дальнего Востока и Байкальского региона, созданный по инициативе Президента и Председателя Правительства РФ.
- 4) Акционерное общество «Корпорация развития Дальнего Востока», которое ориентировано на разработку и внедрение новых механизмов поддержки экономической активности на Дальнем Востоке России.
- 5) Агентство по развитию человеческого капитала на Дальнем Востоке, которое могло бы взять на себя подготовку и переподготовку профессиональных кадров для решения практических проблем развития ТА.

Перечисленные правительственные структуры и институты развития Дальнего Востока могли бы выступать для региональных ВУЗов и научных организаций ДВО РАН заказчиками и спонсорами широкомасштабных исследований по проблемам развития ТА.

Как видно из рекомендаций аляскинских учёных на ближайшую перспективу (2015–2023 гг.), они предлагают создать целевую рабочую группу, включающую представителей науки, коммерческого сектора штата, федеральных и региональных ведомств, а также должность Координатора арктического морского транспорта. Данные рекомендации аляскинских учёных, как нам представляется, весьма актуальны и для российской стороны, тем более что круг действий подобных структур здесь гораздо более широк, так как включает транспортные магистрали, идущие к ТА с выходом на СМП не только с Аляски и канадского севера, но также и

¹ См., в частности, [1; 2; 4; 5; 6; 7]

из стран Северо-Восточной Азии. Какие из подобных структур нужно создавать на Дальнем Востоке и при каких вышеперечисленных федеральных правительственных организациях или институтах развития Дальнего Востока – это требует отдельного обоснования. Но то, что подобные организационные мероприятия необходимы на российской стороне – это становится очевидным, так как сегодняшнее положение с разбросанностью и несогласованностью научных проработок и практических действий в области комплексного развития ТА становится серьезным тормозом в деле укрепления роли нашей страны в этой арктической зоне.

Итак, изучение опыта нашего соседа по ТА – штата Аляска – позволяет несколько по иному взглянуть на сегодняшнюю тактику и стратегию действий нашей страны в этой важной части арктического региона.

Список литературы

1. Демьяненко А.Н., Прокапало О.М. Экономическое пространство Дальневосточного Севера // Регионалистика. 2014. Т. 1. № 3. С. 6–29.
2. Краснопольский Б.Х. Аляска: трудный путь к благополучию. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2014. 224 с.
3. Краснопольский Б.Х. Тихоокеанская Арктика – перекресток морских дорог: взгляд из Аляски // Ученые записки. Вып. 1. Проблемы пространственного развития. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2017. С. 62–81.
4. Минакир П.А., Демьяненко А.Н. Методология и методика районирования арктической зоны Дальнего Востока // Российская Арктика: современная парадигма развития / под ред. А.И. Татаркина. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 669–680.
5. Минакир П.А., Краснопольский Б.Х. Междисциплинарные национальные и трансграничные исследования Тихоокеанской Арктики // Ученые записки. Вып. 2. Проблемы инфраструктурных и ресурсных отраслей экономики. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2017. С. 68–79.
6. Минакир П.А., Краснопольский Б.Х., Леонов С.Н. Исследования по проблемам освоения дальневосточной Арктики: экономические аспекты // Регионалистика. 2016. Т. 3. № 4. С. 6–19.
7. Минакир П.А., Леонов С.Н. Проблемы прогнозирования развития арктических регионов Дальнего Востока // Арктика: экология и экономика. 2015. № 1. С. 10–17.
8. Alaska and the New Maritime Arctic. A Report to the State of Alaska Department of Commerce, Community and Economic Development. School of Natural Resources and Extension. University of Alaska Fairbanks. Fairbanks, 2015. 152 p.

References

1. Demyanenko A.N., Prokapalo O.M. Economic Space of Far Eastern North. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2014. Vol. 1. No. 3. Pp. 6–29. (In Russian)
2. Krasnopolsky B.Kh. *Alaska: the Hard Way to Well-Being*. Khabarovsk, 2014. 224 p. (In Russian)
3. Krasnopolsky B.Kh. The Pacific Arctic – Crossroads of Sea Routes: A View from Alaska. In: *Science Notes. Issue 1. The Problems of Spatial Development*. Khabarovsk, 2017. Pp. 62–81. (In Russian)
4. Minakir P.A., Demyanenko A.N. Methodology and Methods for the Regionalization of Arctic Zone of Far East. In: *Russian Arctic: The Modern Paradigm of Development*. Ed. by A.I. Tatarkin. S.-Petersburg, 2014. Pp. 669–680. (In Russian)
5. Minakir P.A., Krasnopolski B.Kh. Intesdisciplinary National and Transboundary Research of the Pacific Arctic. In: *Science Notes. Issue 2. Problems of Infrastructural and Resources' Exploration Industries Economy*. Khabarovsk, 2017. Pp. 68–79. (In Russian)

6. Minakir P.A., Krasnopol'ski B.Kh., Leonov S.N. Studies on the Problems of Development of the Far Eastern Arctic: Economic Aspects. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2016. Vol. 3. No. 4. Pp. 6–19. (In Russian)
7. Minakir P.A., Leonov S.N. The Issues of Forecasting of Development in the Far East Arctic Regions. *Arktika: ekologiya i ekonomika* [Arctic: Ecology and Economy]. 2015. No. 1. Pp. 10–17. (In Russian)
8. *Alaska and the New Maritime Arctic. A Report to the State of Alaska Department of Commerce, Community and Economic Development*. School of Natural Resources and Extension, University of Alaska Fairbanks. Fairbanks, 2015. 152 p.

■ ■ ■
Для цитирования:

Краснопольский Б.Х. Тихоокеанская Арктика: современное состояние и возможные направления развития // Регионалистика. 2017. Т. 4. № 4. С. 29–39. DOI: [10.14530/reg.2017.4](https://doi.org/10.14530/reg.2017.4)

For citing:

Krasnopol'ski B.Kh. Pacific Arctic: Current Situation and Possible Directions of Development. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2017. Vol. 4. No. 4. Pp. 29–39. (In Russian) DOI: [10.14530/reg.2017.4](https://doi.org/10.14530/reg.2017.4)

**ДОМНИЧ
Егор
Леонидович**

Кандидат экономических наук, старший научный сотрудник

Институт экономических исследований ДВО РАН,
ул. Тихоокеанская, 153,
Хабаровск, Россия, 680042

**DOMNICH
Yegor
Leonidovich**

Ph.D. in economics,
senior research fellow

Economic Research
Institute FEB RAS,
153, Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680042

chaosraven@yandex.ru

© Домнич Е.Л., 2017

УДК 330.3 + 311.3 + 332.1

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКО-СТАТИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ИННОВАЦИЙ В РОССИИ

В статье подводятся итоги 20-летнего развития российской статистики инноваций, и обсуждаются актуальные проблемы экономико-статистического анализа индикаторов инноваций в связке с общеэкономическими индикаторами. Дана оценка масштабов противоречий между статистической методологией наблюдения и экономической интерпретацией индикаторов инноваций. Выявлены пространственно-временные сегменты или лакуны статистического массива данных, где степень проявления анализируемых противоречий наибольшая.

Регионы России, технологические инновации, статистика инноваций, экономический анализ

ISSUES OF ECONOMICAL AND STATISTICAL ANALYSIS OF TECHNOLOGICAL INNOVATIONS IN RUSSIA

We summarize a twenty years development of Russian statistics of innovations and discuss the actual problems of technological innovations in Russia's regions in the article. We estimated the extent of a conflict between the statistical methodology for the monitoring and of economic interpretation of innovation indicators. Next, we identified spatio-temporal segments or gaps in statistical data array, where the degree of manifestation of the analyzed contradictions was the highest.

Russian regions, technological innovations, statistics of innovations, economic analysis

Введение

Научный анализ любого экономического явления неизбежно сталкивается с задачей членения общенационального целого на некие части или таксоны в разрезе отраслей и регионов, а также выделения из непрерывной череды лет неких фиксированных временных интервалов. Часто такая задача нетривиальна сама по себе. Вечным вызовом для работ, посвящённых пространственно-временной проблематике экономического развития, является смещение эффективных эконометрических оценок вследствие уникальных пространственных, социальных и культурно-исторических характеристик каждого региона. В то же время технологические инновации (ТИ) сами по себе являются сложнейшим социально-экономическим процессом, пространственное и временное распределение которого в экономике России изучено слабо.

Сложившаяся более чем за 20 лет российская система статистики ТИ породила специфическую проблематику, обусловленную противоречиями между статистической методологией наблюдения и экономической интерпретацией индикаторов инноваций. Эта проблематика неизбежно всплывает в ходе любого содержательного исследования экономики инноваций в регионах России, соответственно, есть смысл посвятить ей отдельную статью. К числу важнейших таких противоречий следует отнести: а) противоречия пространственно-временной динамики индикаторов затрат и выпуска инноваций относительно друг друга; б) противоречия между статистически наблюдаемыми темпами инновационного и социально-экономического развития регионов; в) противоречия между исторически сложившейся научно-технологической специализацией и текущим уровнем инновационных процессов в регионах. Логика экономического развития предполагает, что указанные противоречия, являющиеся предметом настоящего исследования, характеризуются пространственным и временным измерениями. Таким образом, актуальной задачей исследования становится оценка и сравнение степени остроты таких противоречий в пространстве и во времени. Объектом исследования является экономика России в разрезе субъектов РФ (2000–2015 гг.).

В соответствии с поставленной задачей исследование разделено на четыре части. В первой части исследования представлен краткий обзор эмпирических работ, содержащих количественный анализ экономики ТИ в современной России. Во второй части указанные выше противоречия рассматриваются по существу с использованием массива статистических данных по форме «Сведения об инновационной деятельности организации». В третьей части для количественной оценки масштабов и сравнительной остроты выявленных противоречий обосновывается и рассчитывается формальная эконометрическая динамическая модель панельных данных. В четвёртой части обсуждаются результаты модельных расчётов, позволившие выявить неочевидные пространственно-временные сегменты, где степень проявления анализируемых противоречий наибольшая. В заключении резюмируются содержательные результаты исследования и обосновываются актуальные вызовы, развивающую заданную проблематику.

1. Экономический анализ технологических инноваций в России: подходы и проблемы

В зеркале российской статистики ТИ понимаются как технологические новшества, реализуемые крупными и средними предприятиями определённых отраслей, непосредственно связанные с основным производством, выпуском основной продукции и реализацией основного вида деятельности. В то же время множество дополнительных параметров статизмерения (таких, как отраслевой охват, перечень вопросов и общий объём собираемой информации) претерпело изменения, что объективно ограничивает возможности содержательного экономического анализа накопленного массива данных.

Централизованная статистика инноваций в стране фактически непрозрачна, что является важнейшим вызовом для её анализа. Речь идёт о специфическом массиве собранных невозпроизводимым способом данных, выборочно публикуемых в нескольких статистических изданиях. В обзоре И.И. Елисеевой и П.А. Макаровой [10] указан ряд изъянов, существующих в практике статистического обследования по форме № 4-инновации и искажающих экономический смысл предоставляемых данных: отсутствие профессиональной подготовки у сотрудников, заполняющих форму; отсутствие институтов принуждения к обязательному и добросовестному заполнению формы; отсутствие экономических стимулов как к осуществлению инноваций, так и к предоставлению данных по ним; неудачные сроки предоставления формы в органы статистики; некорректные методические указания. Для каждого региона правомерно предположить существование значительной ошибки измерения ТИ, включающей фиксированную (постоянную) и переменную (случайную) составляющие.

Наличие указанных изъянов делит все экономико-статистические исследования ТИ в России на основе официальной статистики на две очень неравные части.

Первая и важнейшая часть представлена публикациями авторов и разработчиков государственной системы статистики инноваций [4; 5; 12]. Стилистически данные работы представляют собой расширенные аналитические записки, информирующие о самых общих тенденциях, текущих методических новациях и творческих планах на будущее. Их отличительными чертами являются не только эксклюзивная осведомлённость о методологических тонкостях измерения ТИ, но также игнорирование какой-либо содержательной проблематики, в том числе пространственной.

Во вторую группу объединены работы специалистов, использующих централизованную статистику инноваций для разрешения содержательных проблем экономики инноваций в стране, но не входящих в «клуб» лиц, принимающих участие в формировании массива данных. И здесь научная мысль, ограниченная узким коридором статистических возможностей, нашла для себя два закономерных, но бесперспективных, на наш взгляд, пути развития. Во-первых, это игнорирование проблем методологии измерения как таковых и концентрация внимания собственно на «экономике», «содержании» инновационных процессов в стране [2; 3; 14; 15; 18]. По факту же имеет место накопление воспроизводимых, но сомнительных по смыслу результатов, которые, как правило, нельзя соотнести ни с международным опытом, ни между собой. Во-вторых, это некие утопические «наработки» и «рекомендации» по совершенствованию системы статиндикаторов инноваций, спорадически внедряемые в отдельных регионах (см., например, [11]). Подобные результаты также остаются замкнутыми на себе, при этом невозпроизводимыми.

Заметный интерес представляют исследования инновационного и научно-технологического потенциала регионов России на основе патентной статистики. Тем не менее, адекватный экономический анализ российской патентной статистики требует её значительной детализации, что весьма трудозатратно [7; 8; 9]. Реализация же типовых эконометрических подходов к анализу эффективности инновационных процессов в терминах патентной отдачи на российском статистическом материале чревата получением оценок воспроизводимых, но довольно бессмысленных [21; 22; 23].

Важнейшей проблемой исследования, посвящённого анализу экономических процессов в регионах, является определение понятия «регион». Можно согласиться, что регионом является «территория, по совокупности насыщающих её элементов отличающаяся от других элементов и обладающая единством, взаимосвязанностью составляющих элементов, целостностью, причём эта целостность – объективное условие и закономерный результат развития данной

территории» [1]. То есть понятию «регион» имманентны два основных признака: наличие специфики данной территории (отличий от смежных территорий), а также наличие свойств территориальной целостности.

Логика экономического исследования не связывает выбор региона с заведомо очерченными линиями на карте, не исключает и даже предписывает «выход» из принятых сеток государственных и административных делений [6; 17]. Однако в прикладных исследованиях такой выбор ограничен сложившимся территориально-административным делением и организацией системы статистики. В российских исследованиях под регионом часто понимается субъект РФ, что обусловлено системой статистического обеспечения и принципами государственного управления [13; 16]. Данный консенсус распространяется на работы по экономике инноваций, поэтому и здесь под регионом будем понимать часть национальной экономики, выделенную на основании сетки административно-территориального деления России, – субъект Российской Федерации.

2. Технологические инновации в регионах: основные тенденции и противоречия

За 20 лет централизованного статистического наблюдения ТИ в России затраты на технологические инновации (ЗТИ)¹ увеличились с 7,3 трлн неденоминированных рублей в 1995 г. до 1,2 трлн деноминированных рублей в 2015 г., в то время как объём инновационных товаров, работ и услуг (ОИТ)² вырос с 39,8 трлн неденоминированных рублей до 3,8 трлн деноминированных рублей [19]. То есть, если абстрагироваться от некоторых методологических тонкостей, можно говорить примерно о 1,5–4,5% валового внутреннего продукта (ВВП) страны.

Статистически наблюдаемое наращивание масштабов ТИ в стране происходило неравномерно, с заметным усилением в течение двух последних пятилеток (2006–2010 и 2011–2015 гг.). Так, если совокупные ЗТИ за 2000–2015 гг., зафиксированные органами статистики, составили примерно 7,4 трлн рублей, то 1,6 трлн из них (21,1%) пришлось на 2006–2010 гг. и 5,2 трлн рублей (70,2%) – на 2011–2015 гг. Аналогично, совокупный ОИТ за 2000–2015 гг. составил 22,8 трлн рублей, в том числе 5 трлн рублей (22%) пришлось на 2006–2010 гг. и 15,9 трлн рублей (69,9%) – на последнюю пятилетку (*рис. 1*). Таким образом, масштаб ТИ в стране как с точки зрения затрат, так и выпуска дважды поднимался на новый средний уровень: один раз – в 2006 г., второй раз – в 2011 г. В обоих случаях это было вызвано прежде всего ростом инновационной активности отраслей промышленности при незначительном вкладе сектора услуг. Тем не менее, благодаря увеличению отраслевого охвата исследования на рубеже 2010/2011 гг. по обоим индикаторам происходит снижение удельного веса промышленного сектора с 85–95% до 60–65%, в том числе обрабатывающих отраслей – с 65 до 50%.

Оба индикатора характеризуются неоднородным пространственно-временным распределением. Так, например, стандартное отклонение ЗТИ по выборке из 76 субъектов РФ в 2000–2015 гг. увеличилось с 1,9 до 30,3 млрд рублей, а стандартное отклонение ОИТ – с 4,4 до 115,3 млрд рублей. Для сравнения, валовой региональный продукт (ВРП) Псковской области составил в 2015 г. 132,8 млрд рублей, Магаданской области – 124,6 млрд рублей, Республики Адыгея – 82,6 млрд рублей, Карачаево-Черкесской республики – 67,4 млрд рублей, Республики Ингушетия – 54,3 млрд рублей, Республики Калмыкии – 47,3 млрд рублей, Республики Алтай –

¹ Выраженные в денежной форме фактические расходы, связанные с осуществлением различных видов инновационной деятельности, выполняемой в масштабе организации (отрасли, региона, страны). В составе затрат на технологические инновации учитываются текущие и капитальные затраты.

² Включает товары, работы, услуги, подвергавшиеся в течение последних трёх лет в той или иной степени технологическим изменениям.

41,8 млрд рублей, г. Севастополя – 37,9 млрд рублей¹. Таким образом, размах колебаний как вложений, так и отдачи от ТИ в общероссийском экономическом пространстве сегодня сопоставим с размером экономики целого ряда российских регионов, обладающих скромным экономическим потенциалом.

Рис. 1. Затраты на технологические инновации (ЗТИ) и объем инновационных товаров (ОИТ) крупных и средних предприятий в России в 2000–2015 гг., трлн руб.

Источник: рассчитано по http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156

Актуальность пространственного анализа обостряется выраженной поляризацией, концентрацией инновационного потенциала в нескольких регионах. Если в 2000–2010 гг. удельный вес 15 наиболее инновационно развитых регионов в национальных ЗТИ и ОИТ составлял 60–67%, то в 2011–2015 гг. их доля возросла до 73–76%. В рамках этой когорты доминирующие позиции занимает Москва, удельный вес которой неуклонно увеличивается. В 2015 г. в Москве оказалось сосредоточено 16–17% инновационных затрат и выпуска страны (*табл. 1*). Устойчиво высокие позиции занимают также Республика Татарстан, Самарская, Московская, Нижегородская области, Пермский край и г. Санкт-Петербург.

Основная причина поляризации видится в научно-технологическом и экономическом потенциале данных регионов, в свою очередь являющемся отражением исторически закреплённой специализации, уникальной ниши в общенациональном разделении труда. По-видимому, эффекты гистерезиса и средних доходов являются основными факторами дифференциации уровня инновационных расходов и выпуска субъектов РФ. Такие эффекты трудно формализовать статистически: накопленная региональная специфика не сводится к различиям в региональных доходах или структуре промышленности. Различима также группа регионов, не обладающая значимым научно-технологическим или экономическим потенциалом, но вошедшая в когорту лидеров ТИ благодаря реализации масштабных проектов в добывающих отраслях. Поэтому можно предположить скорое выбытие Сахалинской области и Ханты-Мансийского автономного округа из когорты лидеров ТИ по мере окончания реализации таких проектов.

¹ http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156

Таблица 1

Топ-15 регионов с наибольшими значениями индикаторов технологических инноваций,
в % от общероссийского уровня

Субъекты РФ	Затраты на технологические инновации				Объем инновационных товаров			
	2000–2015	2000–2005	2006–2010	2011–2015	2000–2015	2000–2005	2006–2010	2011–2015
г. Москва	13,8	10,3	6,5	16,5	13,0	1,2	3,9	17,2
Республика Татарстан	5,7	5,9	5,3	5,7	10,5	10,8	13,6	9,4
Самарская область	5,2	8,4	3,7	5,3	8,9	14,5	12,2	7,2
Московская область	6,4	4,4	3,6	7,5	7,1	6,6	8,4	6,8
Свердловская область	4,4	9,3	6,0	3,4	3,9	6,7	6,6	2,7
г. Санкт-Петербург	5,4	4,9	4,6	5,7	5,5	3,1	4,3	6,2
Нижегородская область	4,6	3,4	4,3	4,9	5,0	4,5	3,5	5,5
Пермский край	3,6	5,0	3,2	3,5	3,9	3,1	5,5	3,5
Челябинская область	4,5	6,9	8,9	2,9	2,2	5,8	2,2	1,7
Сахалинская область	3,1	0,1	4,9	2,9	6,3	0,03	0,01	9,0
Ханты-Мансийский автономный округ	4,4	2,6	6,1	4,1	0,7	0,8	1,2	0,6
Красноярский край	4,1	1,0	2,5	5,0	1,2	0,6	0,8	1,3
Республика Башкортостан	2,1	2,3	2,5	1,9	2,7	1,7	2,5	2,8
Ленинградская область	2,0	0,5	1,4	2,4	0,5	0,2	0,4	0,5
Липецкая область	1,9	0,4	3,7	1,5	1,7	1,4	1,9	1,7
Итого, %	71,3	65,2	67,1	73,3	72,9	61,0	67,1	76,1
Итого, млрд руб.	5 240,3	414,3	1 041,6	3 784,4	16 594,7	1 122,3	3 367,6	12 104,8

Источник: рассчитано по http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156

Обращает на себя внимание также выраженная диспропорция между показателями. Индикатор инновационного выпуска ОИТ в целом по стране существенно и систематически превосходит индикатор инновационных затрат ЗТИ при том, что динамика индикаторов не всегда положительно коррелирована. Совокупно за 2000–2015 гг. разница составила более 3 раз. Формально это означает, что каждый рубль, вложенный в ТИ, в среднем возвращается в этом же году тремя (!) рублями дохода без учёта налогов. Ситуация, однако, сильно различается по годам и регионам, что отражает крайне неустойчивую и взаимно несогласованную динамику ЗТИ и ОИТ. Примечательно, что своеобразные рекорд и антирекорд в этом смысле продемонстрировала Еврейская автономная область – депрессивный регион с малой экономикой, где отношение ОИТ к ЗТИ в 2008 г. превысило 1000 раз (или 100000%), тогда как в 2012–2013 гг. оно было

0,002–0,004 раза (менее 1%). Во многих регионах рост ЗТИ зачастую сопровождается снижением ОИТ, и наоборот. Поэтому отношение индикаторов характеризуется широкой амплитудой колебаний также и в регионах со сравнительно развитым экономическим потенциалом.

Это, в целом, не противоречит теоретическому представлению об инновациях как о растянутом во времени и трудно предсказуемом по результатам процессе. Допустимо, однако, предположить, что выраженная и систематическая нестационарность такого индикатора «эффективности» или «результативности» ТИ на самом деле отражает не сложные экономические взаимодействия, а грубейшие методологические ошибки наблюдения. В частности, парные для отдельно взятого региона или отрасли индикаторы ЗТИ и ОИТ по факту могут относиться к разным технологическим цепочкам или проектам, то есть описывать разные объекты наблюдения. Таким образом, согласованность динамики общероссийских индикаторов, наблюдаемая на рисунке 1, не должна восприниматься как иллюстрация инновационного развития некоторого «репрезентативного» региона России.

Характеризуя важнейшие противоречия ТИ в современной России, можно резюмировать, что индикаторы ЗТИ и ОИТ не всегда функционально связаны друг с другом. Кроме того, несмотря на их очевидную зависимость от общего уровня социально-экономического и научно-технического развития региона, часто обнаруживаются яркие контрпримеры. Наличие и систематическое воспроизводство таких контрпримеров являются статистическими иллюстрациями существования трёх противоречий, описанных выше. Их причина не вполне очевидна: это могут быть как неучтённые экономические факторы, так и изъяны системы статистического наблюдения инноваций в стране. Накопленный массив данных позволяет применить статистические способы формализации, декомпозиции и содержательного анализа указанных противоречий. В исследовании эта возможность реализована с использованием динамической модели панельных данных.

3. Моделирование технологических инноваций: формализация важнейших противоречий

Достаточно тонкими дискуссионными моментами реализации такой модели являются адекватная периодизация и территориальная группировка статистических наблюдений. Если периодизация ТИ в стране очевидным образом делит 15-летний интервал на три отрезка (2000–2005, 2006–2010 и 2011–2015 гг.), то территориальное членение экономики России, отвечающее задачам экономического анализа инновационных процессов, не столь очевидно.

В настоящее время органами статистики России используется деление территории Российской Федерации на 12 экономических районов (ЭР)¹. Общероссийский классификатор экономических районов (ОКЭР) поддерживается Минэкономразвития России.

Основная часть ЗТИ и ОИТ страны концентрируется в Центральном, Поволжском и Уральском ЭР (*табл. 2*). Прослеживаемая с 2011 г. тенденция к увеличению веса Центрального ЭР, связанная со значительным увеличением масштабов инновационной деятельности в Москве, не имеет самостоятельной аналитической ценности. Территория страны нарезана на крупные фрагменты, что отвечало задачам теории и практики районирования в советский период, но весьма условно коррелирует с современными тенденциями развития сферы инноваций. Так, например, в большинстве субъектов РФ инновационный потенциал исторически сконцентрирован в нескольких крупнейших городах, что практически не отображается

¹ В дальнейших расчётах Северо-Западный ЭР объединён с Калининградским.

Таблица 2

Распределение индикаторов технологических инноваций
по экономическим районам России в 2000–2015 гг., %

Экономические районы	Затраты на технологические инновации				Объем инновационных товаров			
	2000–2015	2000–2005	2006–2010	2011–2015	2000–2015	2000–2005	2006–2010	2011–2015
Центральный	26,0	20,3	17,2	29,4	25,8	18,8	18,4	28,9
Центрально-Чернозёмный	3,6	2,5	5,9	3,1	3,8	3,2	4,8	3,6
Северо-Западный (включая Калининградскую область)	7,9	6,4	6,9	8,4	6,6	5,1	6,4	6,9
Северный (исключая Республику Коми и Ненецкий автономный округ)	2,0	4,4	3,0	1,4	3,4	5,0	2,6	3,4
Северо-Кавказский (исключая Республику Адыгея, Республику Ингушетию и Чеченскую республику)	3,0	2,6	2,7	3,2	3,1	1,4	3,8	3,1
Поволжский (исключая Республику Калмыкия)	14,6	19,4	12,7	14,6	22,4	28,3	31,8	18,8
Волго-Вятский	6,2	4,7	6,2	6,4	7,1	5,7	6,5	7,5
Уральский	16,3	25,4	23,3	13,0	13,8	18,3	18,7	11,8
Западно-Сибирский (исключая Республику Алтай и Ямало-Ненецкий автономный округ)	9,7	7,9	11,3	9,4	4,6	11,1	4,7	3,9
Восточно-Сибирский (исключая Республику Тува и Республику Хакасия)	5,8	2,7	4,4	6,6	2,0	2,4	1,3	2,2
Дальневосточный (исключая Магаданскую область, Еврейскую автономную область и Чукотский автономный округ)	5,0	3,8	6,5	4,7	7,4	0,7	1,1	10,1
Всего, млрд рублей	7354,4	635,5	1552,6	5166,3	22770,0	1841,1	5018,1	15910,9

Примечание: ряд регионов был исключён из состава отдельных ЭР в силу статистических ограничений.

Источник: рассчитано по http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156

централизованной статистикой инноваций. В то же время сложившаяся в советский период сетка ЭР учитывает ряд объективных экономико-географических и природно-климатических констант, фиксирующих перманентные особенности тех или иных групп регионов, имея, тем самым, важное значение при их классификации и группировке.

Попробуем оценить степень остроты каждого из указанных выше противоречий с помощью формальной модели. Не вызывает сомнения, что $ТИ_{it}$ – индикатор технологических инноваций региона i в момент времени t , как правило, находится в сильной функциональной связи с предшествующей траекторией развития ($ТИ_{(it-1)}$) и уровнем социально-экономического развития региона – душевым ВРП ($ВРП_{it}$):

$$\ln TИ_{it} = \mu_i + \alpha_0 \ln TИ_{(it-1)} + \beta_0 \ln ВРП_{it} + \varepsilon_{it}, \quad (1)$$

где μ_i – ненаблюдаемый индивидуальный эффект i -го региона, который невозможно оценить напрямую. Он уничтожается при переходе к первым разностям в уравнении типа

$$\Delta \ln TИ_{it} = \alpha \Delta \ln TИ_{(it-1)} + \beta \Delta \ln ВРП_{it} + \Delta \varepsilon_{it}. \quad (2)$$

Для уравнений типа (2) М. Ареллано и С. Бонд разработали состоятельный способ оценивания на основе обобщённого метода моментов (GMM) [20]. Недостатки способа проявляются в случае, если в остатках модели обнаруживаются высокие порядки авторегрессии. Соответственно для ЗТИ и ОИТ уравнение (2) приобретает следующий вид:

$$\Delta \ln ЗТИ_{it} = \gamma \Delta \ln ЗТИ_{(it-1)} + \delta \Delta \ln ВРП_{it} + \Delta \varepsilon_{it}, \quad (3)$$

$$\Delta \ln ОИТ_{it} = \theta \Delta \ln ОИТ_{(it-1)} + \vartheta \Delta \ln ВРП_{it} + \Delta \varepsilon_{it}. \quad (4)$$

Обратимся к результатам оценивания уравнений типа (3) и (4) методом Ареллано – Бонда с коррекцией возможной недооценки стандартных ошибок (робастным вычислением) для индикаторов ТИ в 2000–2015 гг. с выделением трёх периодов – 2000–2005, 2005–2010 и 2011–2015 гг. (табл. 3). Пространственное измерение здесь представлено в структуре исторически устоявшихся ЭР, таким образом, общее число оцениваемых уравнений составило 96 единиц ($12 \times 4 \times 2$). Следует отметить высокую статистическую значимость большинства полученных оценок в рамках всего 15-летнего периода (2000–2015 гг.). В целом, преобладают оценки коэффициентов эластичности с уровнем значимости 1%.

Таблица 3

Формализация противоречий: технологические инновации как функция от гистерезиса, экономики, периода и географии

Пере- мен- ные	Затраты на технологические инновации				Объём инновационных товаров			
	2000– 2015	2000– 2005	2006– 2010	2011– 2015	2000– 2015	2000– 2005	2006– 2010	2011– 2015
Российская Федерация								
$ТИ_{it-1}$	0,399*	0,222	–0,010	0,501*	0,470*	0,301	0,046	0,417*
$ВРП_{it}$	0,992*	0,947*	1,786*	0,484	0,956*	0,783**	1,768*	0,852**
Центральный								
$ТИ_{it-1}$	0,536*	–0,294**	0,105	0,562*	0,624*	–0,181	0,127	0,527*
$ВРП_{it}$	0,710*	2,140*	1,570*	0,294	0,514*	1,222**	1,195**	0,335
Центрально-Чернозёмный								
$ТИ_{it-1}$	0,516*	0,176	0,667*	0,332**	0,353*	–0,156	0,435*	0,522*
$ВРП_{it}$	0,770*	0,742**	0,121	0,541	1,237*	1,665**	0,639	1,382*

Продолжение таблицы 3

Пере- мен- ные	Затраты на технологические инновации				Объем инновационных товаров			
	2000– 2015	2000– 2005	2006– 2010	2011– 2015	2000– 2015	2000– 2005	2006– 2010	2011– 2015
Северо-Западный и Калининградский								
ТИ _{it-1}	0,217*	–0,394*	–0,176	–0,030	0,660*	–0,197	0,289	–0,023
ВРП _{it}	1,200*	2,989*	0,850	1,959*	0,356	0,938	0,635	0,645
Северный								
ТИ _{it-1}	0,618*	0,184	0,299*	0,468*	0,610*	–0,008	0,510*	0,414*
ВРП _{it}	–0,100	0,309	0,903**	–1,686***	0,433*	–0,121	1,011	2,083
Северо-Кавказский								
ТИ _{it-1}	0,319*	–0,185	0,278*	0,302	0,526*	–0,403**	–0,162	0,365**
ВРП _{it}	1,054*	2,946*	1,672*	0,413	0,722*	4,433*	3,673*	–2,435
Поволжский								
ТИ _{it-1}	0,453*	0,432**	0,080	0,011	0,306*	–0,049	0,281*	0,418*
ВРП _{it}	0,960*	0,813	1,080	3,391*	1,440*	2,946*	1,485*	0,828
Волго-Вятский								
ТИ _{it-1}	0,132***	0,079	0,224**	–0,052	0,023	–0,260	–0,284*	0,108
ВРП _{it}	1,632*	1,857*	0,667	2,659*	2,175*	1,350***	3,868*	1,768*
Уральский								
ТИ _{it-1}	0,403*	0,023	0,240*	0,605*	0,388*	–0,731*	0,207*	0,203***
ВРП _{it}	0,763*	1,192**	1,295*	0,401	1,054*	2,170*	1,157**	1,066**
Западно-Сибирский								
ТИ _{it-1}	0,579*	–0,220	0,691*	0,214*	0,621*	–0,386	0,336**	0,333*
ВРП _{it}	0,728*	1,667*	0,317	1,088***	0,621*	1,711*	1,080**	1,978*
Восточно-Сибирский								
ТИ _{it-1}	0,393	–0,533*	0,354	0,330	0,459	–0,078	0,171	0,080
ВРП _{it}	1,400**	3,658*	1,438***	1,253	1,422	–0,497	0,514	5,097**
Дальневосточный								
ТИ _{it-1}	0,335*	0,296	–0,068	0,328**	0,519*	0,051	–0,051	0,406*
ВРП _{it}	1,523*	–0,513	3,906*	0,665	1,397*	–0,012	2,243*	1,305

Примечания: 1) Значения уровня значимости: * – 1%; ** – 5%; *** – 10%.

2) Индикатор душевого ВРП рассчитан в постоянных ценах 2000 г.

Источник: рассчитано по данным http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156 с использованием ППП Stata 9.0.

Тест Ареллано-Бонда для всех уравнений показал наличие сильной автокорреляции 1-го порядка для остатков модели и отсутствие на уровне значимости 1% автокорреляции 2-го порядка. То есть использование лаговых переменных $ЗТИ_{(it-1)}$ и $ОИТ_{(it-1)}$, нарушающих требование экзогенности, не порождает несостоятельности оценок, а использование авторегрессионных переменных более высокого порядка статистически нецелесообразно. В свою очередь, тест Саргана показал, что все инструменты подобраны правильно. В совокупности это свидетельствует об экономической адекватности полученных уравнений [20].

4. Технологические инновации в регионах России: закономерности и противоречия

В полученной модели экономически предсказуемые закономерности формирования индикаторов ТИ описываются статистически значимыми коэффициентами связи, в то время как исследуемые противоречия – статистически незначимыми. Исходя из распределения первых и вторых, приходится заключить, что в среднем за 15 лет (2000–2015 гг.). ТИ в регионах России представляли собой достаточно предсказуемый социальный процесс. Чем выше экономический потенциал и лаговые темпы инновационного развития региона – тем более значительными будут масштабы инновационных преобразований сегодня. Однако даже на уровне страны в целом это банальное правило работало не всегда. Так, статистически значимое влияние лаговых инновационных индикаторов как для ЗТИ, так и для ОИТ фиксируется лишь в последнюю пятилетку (2011–2015 гг.). Напротив, связь ЗТИ с душевым ВРП, значимая в 2000–2010 гг., в последнюю пятилетку теряет значимость. Здесь ярко проявляют себя противоречия между статистически наблюдаемыми темпами инновационного и социально-экономического развития регионов и между исторически сложившейся научно-технологической специализацией и текущим уровнем инновационных процессов в регионах, в то время как противоречия пространственно-временной динамики индикаторов затрат и выпуска инноваций относительно друг друга формализуются не столь рельефно.

Очевидно, существуют многочисленные пространственно-временные лакуны, где связь между индикаторами ТИ и регрессорами отсутствует в силу объективных социально-экономических обстоятельств либо, что более вероятно, не может быть зафиксирована при данной точности измерения инноваций в регионах страны. Объясняющая способность существующей статистики инноваций позволяет лишь обозначить и дать краткую характеристику таким лакунам. Рассмотрим важнейшие закономерности, связывающие индикаторы ТИ со своими лаговыми значениями (гистерезисом) и душевым ВРП.

Средняя эластичность $ЗТИ_{it}$ по лаговой переменной $ЗТИ_{(it-1)}$ (гистерезису) в регионах России в среднем за 2000–2015 гг. составила 0,4, тогда как средняя эластичность $ОИТ_{it}$ по $ОИТ_{(it-1)}$ – 0,47. Сложившийся в стране экономический базис ТИ таков, что примерно 40–50% от текущего объёма инновационных затрат и инновационного выпуска систематически воспроизводится и на следующий год. Эффект гистерезиса значим как для инновационных затрат, так и для инновационного выпуска и положителен во всех ЭР в целом за 2000–2015 гг. Современная история ТИ в России – это действительно исторический процесс с «памятью», а не просто совокупность временных рядов разрозненных наблюдений, несмотря на сильную нестационарность последних. Абсолютные значения эффекта гистерезиса во всех уравнениях находятся в интервале от 0 до 1, придавая тренду развития относительно устойчивость и монотонность.

В целом по России статистически значимый эффект гистерезиса проявлялся не все 15 лет, а лишь в интервале 2011–2015 гг. Общую для страны тенденцию главным образом задаёт Центральный ЭР. Здесь на протяжении 2000–2010 гг. эффект гистерезиса для $ОИТ_{it}$ был

статистически не значим, а эффект гистерезиса для ЗТИ_и, значимый на уровне 5%, имел отрицательный знак. В то же время по остальным ЭР временная структура эффекта гистерезиса была весьма разнообразна.

Помимо Центрального ЭР, только в Дальневосточном ЭР значимый положительный эффект гистерезиса проявился лишь в последнюю пятилетку (2011–2015 гг.). В то же время в Центрально-Чернозёмном, Северном и Западно-Сибирском ЭР значимый положительный эффект гистерезиса наблюдается на протяжении двух пятилеток (2006–2010 и 2011–2015 гг.) как для ЗТИ, так и для ОИТ. Для прочих ЭР характерны индивидуальные особенности временной структуры гистерезиса, которые при этом не совпадают у ЗТИ и ОИТ. Таким образом, проблема противоречия региональной динамики ЗТИ и ОИТ, по-видимому, не разрешима «в целом» по стране, характеризуясь межрайонными и внутрирайонными закономерностями, которые необходимо вскрывать отдельно каждый раз при осуществлении районирования под цели конкретного исследования.

Средняя по стране эластичность ЗТИ_и и ОИТ_и по ВРП_и за весь период находится на уровне 1 (так называемая «единичная отдача от масштаба»). Безусловно, уровень общего социально-экономического развития и экономический потенциал региона являются сегодня важнейшими факторами, определяющими экономические масштабы ТИ. Сила его влияния меняется в зависимости от ЭР, устойчиво превышая эффект гистерезиса в несколько раз. Эффект изменения душевого дохода всегда положителен, а его абсолютное значение часто превосходит 1 (но не превышает 5). Колебания реальных душевых доходов, а также индикаторов, тесно с ними увязанных, вызывают порою резкие выбросы значений региональных индикаторов ТИ, обуславливающие выраженную нестационарность динамики.

Логично предположить, что по мере развития статистики ТИ, увеличения её репрезентативности и расширения отраслевого охвата эффект ВРП_и будет увеличиваться от пятилетки к пятилетке. Однако этого не наблюдалось ни в целом по стране, ни в рамках отдельно взятого ЭР. Напротив, эффект ВРП_и часто наиболее силен именно в первом периоде (2000–2005 гг.), когда отраслевой охват статистики ТИ был наименее представительным. В Центральном и Северо-Кавказском ЭР сильный положительный эффект ВРП_и наблюдался в течение десятилетия 2000–2010 гг. как для ЗТИ, так и для ОИТ, исчезая в 2011–2015 гг., когда масштабы ТИ были наибольшими за 15 лет. В Поволжском ЭР такая закономерность совпадает лишь для ОИТ, в то время как связь реального душевого дохода с ЗТИ стала статистически значима только в 2011–2015 гг. В Волго-Вятском, Уральском и Западно-Сибирском ЭР изменения реального душевого дохода значимо влияют на ОИТ в течение всего периода (2000–2015 гг.), в то время как связь ВРП_и с ЗТИ_и характеризуется индивидуальными для каждого из трёх ЭР закономерностями.

Значимость и сила влияния ВРП_и на индикаторы ТИ определяются как реальными экономическими взаимосвязями, так и спецификой статистического наблюдения показателей системы национальных счетов (СНС) и ТИ. Если показатели СНС досчитываются для всей экономики, то показатели ТИ предоставляются органами государственной статистики в том объёме, в каком были собраны, без экстраполяции на всю экономику региона или страны.

Расчёты по динамической модели (2), элиминирующей индивидуальные эффекты регионов-субъектов РФ, позволили получить массив оценок, ощутимо дифференцированных во времени (3 периода) и в пространстве (11 ЭР). Оценки коэффициентов связи гораздо сильнее различаются для одного регрессора между периодами и ЭР, чем между разными регрессорами в рамках одного периода и ЭР. Элиминирование индивидуального эффекта регионов (субъектов РФ) не уничтожает проблему пространственной неоднородности факторов и условий ТИ полностью. Уместно предположить существование в том числе географической специфики,

общей для неких групп регионов. По аналогии со спецификой межпериодной, её содержанием могут являться не только объективные экономические различия условий и содержания инновационной деятельности, но также различия в фактически осуществляемых способах её статистического измерения, корректности таких измерений.

Заключение

Статистическая информация, собираемая по форме «Сведения об инновационной деятельности организации», относится специалистами к разряду «профессиональных суждений» [10, с. 168]. Предполагается, что профессиональное суждение есть добросовестно высказанное работником мнение о хозяйственной ситуации, полезное как для её описания, так и для принятия действенных управленческих решений. В условиях рыночной экономики профессиональное суждение – это именно то, что думает сам профессионал, независимо от предписаний нормативных документов. Институт профессионального суждения импортирован в Россию из англоязычных стран, где он формировался веками на основе прецедентного права. В отличие, например, от статистики в рамках СНС, где основной акцент делается на достоверности передаваемой и обобщаемой информации, статистика, основанная на профессиональных суждениях, исходит из добросовестности экспертных оценок, в том числе добросовестности заблуждений.

Именно последнее обстоятельство, на наш взгляд, лежит в корне экономико-статистических противоречий, рассмотренных в статье. Статистика, собранная на основании строгих нормативных предписаний, всегда будет плохо соотноситься с данными, полученными посредством доверительного опроса некой группы профессионалов, которая плохо описана сама по себе. Трудности переходного периода и пространственная дифференциация ошибок измерения, по сути, лишь усугубляют, но не определяют напрямую проблематику оценки индикаторов ТИ в регионах. Это же обстоятельство обуславливает безальтернативность централизованной статистики инноваций, адекватность и достоверность которой будут медленно возрастать по мере повышения профессионального уровня хозяйственников. Таким образом, дальнейшая проработка описанных и формализованных здесь противоречий обладает значительным исследовательским потенциалом.

Уже сейчас можно говорить о превалировании в региональной статистике ТИ вполне объяснимых с точки зрения обычной экономической логики трендов. В то же время выявленные в ходе исследования пространственно-временные лакуны, где динамика инновационных индикаторов плохо соотносится как с предшествующей историей развития, так и общеэкономической ситуацией в регионе, составляют сравнительно небольшую часть массива данных. Перспективным направлением исследований в рамках проблематики видится детализация регионально-отраслевой структуры индикаторов ТИ в стране в сочетании с обоснованием и применением альтернативной сетки экономических районов.

Список литературы

1. Алаев Э.Б. Социально-экономическая география. Понятийно-терминологический словарь. М.: Мысль. 1982. 290 с.
2. Антоненко И.В. Формирование функциональной макроструктуры региональной инновационной системы // Региональная экономика: теория и практика. 2010. № 23. С. 20–28.
3. Голикова В.В., Гончар К.Р., Кузнецов Б.В. Влияние экспортной деятельности на технологические и управленческие инновации российских фирм // Российский журнал менеджмента. 2012. Т. 10. № 1. С. 3–28.

4. Гохберг Л.М., Кузнецова И.А. Анализ и перспективы статистического исследования инновационной деятельности в экономике России // Вопросы статистики. 2004. № 9. С. 3–15.
5. Гохберг Л.М., Кузнецова И.А. Статистика инноваций: первые результаты и ближайшие перспективы // Вопросы статистики. 1996. № 3. С. 9–20.
6. Демьяненко А.Н. Экономическое районирование: вопросы теории и истории. Ч. I. Хабаровск: Хабаровская краевая типография, 2010. 224 с.
7. Домнич Е.Л. Патентная статистика как измеритель экономики науки и инноваций в регионах России // Инновации. 2013. № 5. С. 92–95.
8. Домнич Е.Л. Патентный потенциал Дальневосточного федерального округа // Пространственная экономика. 2011. № 3. С. 115–130. DOI: 10.14530/se.2011.3.115-130.
9. Домнич Е.Л. Проблемы экономического анализа технологических инноваций в отраслях промышленности Дальнего Востока России // Инновации. 2011. № 6. С. 85–92.
10. Елисеева И.И., Макарова П.А. Корректна или нет статистика инноваций в России? // Социология науки и технологий. 2010. № 1. С. 162–173.
11. Зинченко В.И., Касинский С.В., Дырко Н.П., Тюльков Г.И., Монастырский Е.А., Грик Я.Н. Статистическое наблюдение инновационной деятельности в России: федеральная система и региональные инициативы // Вопросы статистики. 2008. № 4. С. 12–22.
12. Кузнецова И.А., Гостева С.Ю., Грачёва Г.А. Методология и практика статистического измерения инновационной деятельности в экономике России: современные тенденции // Вопросы статистики. 2008. № 5. С. 30–46.
13. Леонов С.Н. Типология проблемных регионов на основе оценки межрегиональных социально-экономических и финансовых различий // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2005. № 2. С. 68–76.
14. Макарова П.А., Флуд Н.А. Статистическая оценка инновационного развития // Вопросы статистики. 2008. № 2. С. 15–29.
15. Мариев О.С., Савин И.В. Факторы инновационной активности российских регионов: моделирование и эмпирический анализ // Экономика региона. 2010. № 3. С. 235–244.
16. Минакир П.А., Власюк Л.И., Демьяненко А.Н., Деваева Е.И., Калашников В.Д., Леонов С.Н., Мотрич Е.Л., Рензин О.М. К вопросу о стратегии развития Хабаровского края // Пространственная экономика. 2008. № 3. С. 5–44.
17. Минакир П.А., Демьяненко А.Н. Пространственная экономика: эволюция подходов и методология // Экономическая наука современной России. 2010. № 3. С. 7–25.
18. Петухов Н.А. Инновационная деятельность предприятий в федеральных округах Российской Федерации // Друкеровский вестник. 2014. № 31. С. 31–38.
19. Технологические инновации в России. М.: ЦИСН, 1997. 208 с.
20. Arellano M., Bond S. Some Tests of Specification for Panel Data: Monte Carlo Evidence and an Application to Employment Equations // Review of Economic Studies. 1991. № 58. Pp. 277–297.
21. Crescenzi R., Jaax A. Innovation in Russia: The Territorial Dimension // Economic Geography. 2017. Vol. 93. № 1. Pp. 66–88.
22. Gurkov I. Innovations in Russian Industries: Conditions for Implementation and Impact on Competitiveness // Journal of East European Management Studies. 2005. Vol. 10. № 3. Pp. 218–246.
23. Zemtsov S.P., Baburin V.L. Does Economic-Geographical Position Affect Innovation Processes in Russian Regions? // Geography, Environment, Sustainability. 2016. № 4. Pp. 14–33.

References

1. Alayev E.B. *Social-Economic Geography (Conceptual-Terminological Dictionary)*. Moscow, 1982. 290 p. (In Russian)
2. Antonenko I.V. Formation of Functional Macrostructure of Regional Innovation System. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional Economy: Theory and Practice]. 2010. No. 23. Pp. 20–28. (In Russian)
3. Golikova V.V., Gonchar K.R., Kuznetsov B.V. Influence of Export Activity on Technological and Managerial Innovations of Russian Firms. *Rossiyskiy zhurnal menedzhmenta* [Russian Management Journal]. 2012. Vol. 10. No. 1. Pp. 3–28 (In Russian)
4. Gokhberg L.M., Kuznetsova I.A. Analysis and Perspectives of Innovative Activity Statistical Research in Russia. *Voprosy statistiki* [Statistical Issues]. 2004. No. 9. Pp. 3–15. (In Russian)
5. Gokhberg L.M., Kuznetsova I.A. Statistics of Innovation: First Results and Further Perspectives. *Voprosy statistiki* [Statistical Issues]. 1996. No. 3. Pp. 9–20. (In Russian)
6. Demyanenko A.N. *Economic Zoning: Questions of Theory and History*. Part I. Khabarovsk, 2010. 224 p. (In Russian)
7. Domnich Ye.L. Patent Statistics as a Measuring Instrument for Science and Innovation Economy in Russian Regions. *Innovatzii* [Innovations]. 2013. No. 5. Pp. 92–95. (In Russian)
8. Domnich Ye.L. The Patent Potential of the Far Eastern Federal District. *Prostranstvennaya ekonomika = Spatial economics*. 2011. No. 3. Pp. 115–130. DOI: 10.14530/se.2011.3.115-130. (In Russian)
9. Domnich Ye.L. Problems of Economic Analysis of Technological Innovations in the Branches of Industries in the Russian Far East. *Innovatzii* [Innovations]. 2011. No. 6. Pp. 85–92. (In Russian)
10. Eliseeva I. I., Makarova P. A. Are the Innovation Statistics in Russia Accurate or Not? *Sotziologiya nauki i tekhnologii* [Sociology of Science and Technology]. 2010. No.1. Pp. 162–173. (In Russian)
11. Zinchenko V.I., Kasinskiy S.V., Dyrko N.P., Tyulkov G.I., Monastyrnyi E.A., Grik Ya.N. Statistical Observation of Innovative Activity in Russia: Federal System and Regional Initiatives. *Voprosy statistiki* [Statistical Issues]. 2008. No. 4. Pp. 12–22. (In Russian)
12. Kuznetsova I.A., Gosteva S.Yu., Gracheva G.A. Methodology and Practice of Statistical Measurement of Innovative Activity in Russian Economy: Modern Tendencies. *Voprosy statistiki* [Statistical Issues]. 2008. No. 5. Pp. 30–46. (In Russian)
13. Leonov S.N. Typology of Depressive Regions on a Base of Interregional Social and Financial Differences Estimations. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya geograficheskaya* [Herald of Russian Academy of Sciences. Geographic Series]. 2005. No. 2. Pp. 68–76. (In Russian)
14. Makarova P.A., Flud N.A. Innovative Development Statistical Estimation. *Voprosy statistiki* [Statistical Issues]. 2008. No. 2. Pp. 15–29. (In Russian)
15. Mariev O.S., Savin I.V. Factors of Innovative Activity in Russian Regions: Modeling and Empirical Analysis. *Ekonomika regiona* [Economy of Region]. 2010. No. 3. Pp. 235–244. (In Russian)
16. Minakir P.A., Vlasjuk L.I., Demyanenko A.N., Devaeva E.I., Kalashnikov V.D., Leonov S.N., Motrich E.L., Renzin O.M. On the Khabarovsk Territory's Development Strategy. *Prostranstvennaya ekonomika = Spatial economics*. 2008. No. 3. Pp. 5–44. (In Russian)
17. Minakir P.A., Demyanenko A.N. Spatial Economics: Evolution of Approaches and Methodology. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii* [Economics of Contemporary Russia]. 2010. No. 3. Pp. 7–25. (In Russian)
18. Petukhov N.A. Innovative Activity of Enterprises in Russia's Federal Districts. *Drukerovskiy vestnik* [Druker's Herald]. 2014. No. 31. Pp. 31–38. (In Russian)
19. *Technological Innovations in Russia*. Moscow, 1997. 208 p. (In Russian)

20. Arellano M., Bond S. Some Tests of Specification for Panel Data: Monte Carlo Evidence and an Application to Employment Equations. *Review of Economic Studies*. 1991. No. 58. Pp. 277–297.
21. Crescenzi R., Jaax A. Innovation in Russia: The Territorial Dimension. *Economic Geography*. 2017. Vol. 93. No. 1. Pp. 66–88.
22. Gurkov I. Innovations in Russian Industries: Conditions for Implementation and Impact on Competitiveness. *Journal of East European Management Studies*. 2005. Vol. 10. No. 3. Pp. 218–246.
23. Zemtsov S.P., Baburin V.L. Does Economic-Geographical Position Affect Innovation Processes in Russian Regions? *Geography, Environment, Sustainability*. 2016. No. 4. Pp. 14–33.

■ ■ ■ ■
Для цитирования:

Домнич Е.Л. Проблемы экономико-статистического анализа технологических инноваций в России // Регионалистика. 2017. Т. 4. № 4. С. 40–55. DOI: [10.14530/reg.2017.4](https://doi.org/10.14530/reg.2017.4)

For citing:

Domnich Ye.L. Issues of Economical and Statistical Analysis of Technological Innovations in Russia. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2017. Vol. 4. No. 4. Pp. 40–55. (In Russian) DOI: [10.14530/reg.2017.4](https://doi.org/10.14530/reg.2017.4)

СУХОМИРОВ
Григорий
Исакович

Кандидат
сельскохозяйственных наук,
старший научный сотрудник

Институт экономических
исследований ДВО РАН,
ул. Тихоокеанская, 153,
Хабаровск, Россия, 680042

SUKHOMIROV
Grigory
Isakovich

Ph.D. in agriculture,
senior research fellow

Economic Research
Institute FEB RAS, 153,
Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680042

Sukhomirov@ecrin.ru

© Сухомиров Г.И., 2017

УДК 338.43(571.6)

РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА ДФО В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Введение антироссийских санкций негативно отразилось на производстве сельскохозяйственной продукции в ДФО. Для успешного импортозамещения по основным видам сельскохозяйственной продукции (кроме зерна) необходимо обеспечить устойчивую финансовую деятельность сельхозпредприятий, совершенствовать организационно-экономический механизм на федеральном и региональном уровнях с использованием налоговых, ценовых и других рычагов, стимулирующих инвестиции в модернизацию агропромышленного производства и развитие сельских территорий, производственной, социальной и рыночной инфраструктуры села.

Дальневосточный федеральный округ, продукция сельского хозяйства, импортозамещение, санкции, инвестиции, организационно-экономический механизм

DEVELOPMENT OF AGRICULTURE OF FAR EASTERN FEDERAL DISTRICT IN CONDITIONS OF SANCTIONS AND ECONOMIC CRISIS

The imposition of sanctions had a negative impact on the production of agricultural products in the Far Eastern Federal District. For effective import substitution for the main types of agricultural products (except grain) is necessary to ensure stable financial activity of agricultural enterprises, to improve the organizational and economic mechanism at the federal and regional levels with using of tax, price and other levers that stimulate investment in modernizing of agro-industrial production, development of rural territories, industrial, social and market infrastructure of the village.

Far Eastern Federal District, agricultural products, import substitution, sanctions, investments, organizational and economic mechanism

Введение

Целью данной статьи является характеристика тенденций развития сельскохозяйственного комплекса ДФО в условиях внешних и внутренних ограничений, выявление причин сложившейся ситуации и условий её преодоления.

Естественно, автор отдаёт себе отчёт в том, что прошло не так много времени с того момента, как экономика РФ в целом и сельское хозяйство ДФО в частности оказались в ситуации «санкционной войны», чтобы делать обобщающие выводы, на что автор и не претендовал. Поставленная задача была много скромнее: понять, что происходит в сельском хозяйстве ДФО в условиях внешних шоков, вызванных как вступлением РФ в ВТО, так и «санкционными войнами» последних лет¹.

Санкции и антисанкции в аграрном секторе и динамика сельскохозяйственного производства в ДФО

В 2014 г. в связи с введением США и рядом других стран экономических санкций против России и отчасти ответными мерами России по ограничению импорта продовольствия из этих стран остро встала проблема импортозамещения. Для расширения собственного производства требуется увеличение инвестиций в сельское хозяйство, модернизация производства, рост и обновление основных производственных фондов, формирование благоприятного инвестиционного климата, повышение рентабельности сельхозпредприятий. Это объективно необходимо, но пока слабо реализуется [2]. Поэтому неудивительно, что в 2015 г. по сравнению с 2014 г. был отмечен спад производства продукции сельского хозяйства. Валовый сбор зерновых сократился на 12,4%, картофеля – на 8,9%, овощей – на 10,2%, мяса – на 7,8%.

В то же время нельзя не отметить, что в ДФО предпринимаются некоторые практические шаги по развитию собственного производства. Так, в 2015 г. под Хабаровском начато строительство нового мощного тепличного корпуса для круглогодичного выращивания свежих овощей и зелени на основе самых современных технологий. В апреле 2016 г. состоялось открытие первой очереди тепличного комплекса по выращиванию огурцов и помидоров, построенного русско-японской компанией. Проводятся работы по выращиванию овощей закрытого грунта и в других регионах.

В округе развиваются предприятия животноводческого направления, в частности, «Амурский бройлер», «Хабаровский бройлер», племптицезавод «Хабаровский», Некрасовский свиноводческий комплекс, Благовещенский молочный комбинат. В Приморском крае появился свинокомплекс «Спасский бекон», в Республике Саха (Якутия) восстановлено бройлерное производство Нерюнгринской птицефабрики. Камчатский край планирует полностью обеспечить своё население как овощами закрытого грунта, так и охлаждённым мясом птицы.

В последние годы многие сельскохозяйственные организации в ДФО с увеличением господдержки стали рентабельными, хотя продукция животноводства почти везде остаётся убыточной (*табл. 1*).

¹ Отчасти данная работа продолжает цикл статей автора [10; 11; 12], посвящённых современным проблемам сельского хозяйства ДФО. В то же время автор, анализируя положение дел в аграрном секторе макрорегиона, опирался на работы ряда исследователей [2; 3; 4; 5; 6; 7; 14], в которых содержится оценка последствий внешних шоков для АПК РФ.

Таблица 1

Рентабельность проданных товаров, продукции (работ, услуг)
сельскохозяйственных организаций ДФО, %

Территория	Растениеводство					Животноводство				
	2005	2010	2012	2014	2015	2005	2010	2012	2014	2015
Республика Саха (Якутия)	-36,6	-30,6	-41,9	-38,1	-54,5	-52,5	-32,6	-32,0	-36,0	-33,5
Камчатский край	11,5	16,4	11,9	17,0	24,0	-7,8	-2,2	-9,4	-6,3	-9,6
Приморский край	-2,6	6,6	3,1	13,2	11,6	17,5	12,4	8,1	2,9	-12,4
Хабаровский край	-14,5	-32,5	–	–	-100	-15,8	-7,6	-10,1	-9,1	-4,7
Амурская область	-1,0	19,4	21,8	15,2	30,6	-2,1	15,7	5,2	13,2	21,9
Магаданская область	–	–	–	–	–	-37,3	-23,6	-41,6	-15,3	-35,9
Сахалинская область	-5,1	-2,2	-4,0	-9,5	-13,6	-7,1	-5,5	-13,1	-18,6	-23,3
Еврейская автономная область	31,1	22,1	32,7	89,5	57,6	-26,3	-62,3	4,4	–	-100
Чукотский автономный округ	-43,5	-19,4	-23,5	-25,9	-27,0	-27,8	-43,7	-48,5	-48,3	-43,4
ДФО	-4,5	9,3	12,1	10,3	19,3	-15,3	-3,3	-6,8	-6,2	-7,5

Источник: статистический сборник «Регионы России. Социально-экономические показатели» за 2005, 2010, 2011, 2014 и 2015 гг.

В 2014–2015 гг. в ДФО производство мяса и молока, от импорта которых особенно зависит Дальний Восток, уменьшилось, а темп роста розничных цен увеличился более чем в 2 раза, что привело к снижению покупательной способности населения макрорегиона. Проблема импортозамещения сельскохозяйственной продукции, особенно в насыщении рынка продуктами животноводства, остаётся в ДФО острой.

В настоящее время оказалось выгоднее импортировать продукцию из третьих стран, и наблюдается не замещение импорта, а его перераспределение. Европейские и австралийские товары уступили место латиноамериканским и азиатским, главным образом китайским.

В Хабаровском крае около 80% мяса ввозится, из них 30% – из других регионов страны, а 70% – это импорт, преимущественно из Бразилии, Аргентины, Парагвая и Уругвая. Импорт мяса в Приморье составляет 70 тыс. т, при этом у приморских мясопереработчиков 70% используемого сырья – импортное мясо [1]. Импортная молочная продукция из ЕС и Австралии замещена аналогичными товарами из Республики Беларусь, Южной Америки и Новой Зеландии. Вероятно, в целом по ДФО доля импортного мяса, молока и продуктов их переработки составляет не менее 70% от общего объёма потребления.

В результате в последние годы в ДФО наблюдается при неустойчивом росте производства продукции растениеводства (табл. 2) снижение производства животноводческой продукции (табл. 3), а размер ввоза основных продуктов чаще не снижается, а растёт (табл. 4).

Таблица 2

Валовое производство основных видов растениеводческих продуктов в ДФО
в 2011–2015 гг., тыс. т

Продукция	2011	2012	2013	2014	2015
Зерно	612,7	546,8	428,4	773,3	677,3
Соя	1 109,4	1 029,4	646,8	1 527,1	1 400,4
Картофель	1 286,4	1 318,7	1 034,8	1 304,8	1 189,3
Овощи	430,0	433,7	391,2	450,2	404,2
Плоды и ягоды	40,4	34,7	33,5	33,9	36,0

Источник: статистический сборник «Регионы России. Социально-экономические показатели» за 2011–2015 гг.

Таблица 3

Основные показатели развития животноводства в ДФО в 2011–2015 гг.

Показатель	2011	2012	2013	2014	2015
Поголовье					
Крупного рогатого скота, тыс. голов	463,2	450,8	417,8	399,6	394,3
в том числе коров, тыс. голов	196,3	195,7	188,1	176,3	172,5
Свиней, тыс. голов	313,5	316,9	305,6	286,2	327,8
Овец и коз, тыс. голов	70,5	77,7	70,1	70,1	69,4
Птиц, млн штук	10 700	10 294	9 962,5	10 162,3	10 125,2
Получено					
Мяса, тыс. т	128,0	128,4	134,0	130,9	120,7
Молока, тыс. т	582,5	571,8	565,2	536,4	531,2
Меда, т	6288	4749	5236	6273	7109
Яиц, млн штук	1 165,9	1 184,7	1 149,0	1 191,0	1 172,8

Источник: статистический сборник «Регионы России. Социально-экономические показатели» за 2011–2015 гг.

Таблица 4

Ввоз пищевых продуктов в ДФО в 2011–2015 гг.

Продукт	2011	2012	2013	2014	2015
Мясо и мясо птицы, т	14 724,4	37 330,0	40 379,0	37 843,0	45 568,0
Мясные консервы, тыс. условных банок	19 015,7	17 896,6	18 408,5	23 770,4	21 704,1
Колбасные изделия, т	21 884,3	17 491,0	19 622,1	19 509,6	19 379,6
Сыры и сырные продукты, т	2 448,3	1 685,6	1 724,6	2 518,3	2 019,0
Сливочное масло, т	1 093,7	1 187,6	848,3	1 637,3	1 318,9
Мука, тыс. т	242,8	250,4	248,0	218,1	310,9
Крупа, т	23 559,0	22 551,5	26 099,1	25 162,1	20 606,0

Источник: статистический сборник «Регионы России. Социально-экономические показатели» за 2011–2015 гг.

Растёт и сальдо между ввозом и вывозом пищевых продуктов, при этом увеличение объёма ввоза происходит в основном за счёт импорта (*табл. 5*).

Таблица 5

Сальдо между ввозом и вывозом продуктов в ДФО

Продукты	В среднем за год в периоде		
	2001–2005	2006–2010	2011–2014
Картофель, тыс. т	24,5	–3,9	61,4
Овощи и бахчевые, тыс. т	296,3	337,7	315,7
Мясо и мясопродукты, тыс. т	276,3	324,9	361,5
Молоко и молокопродукты, тыс. т	531,3	682,8	710,3
Яйца, млн штук	349,5	380,6	410,2

Источник: [9].

Тяжёлое положение с производством мяса отчасти объясняется тем, что Россия попала в «экспортную ловушку»: вывозя зерно, страна ввозит продукцию животноводства, многократно превышающую по стоимости израсходованные на её производство зерно корма. Растёт отрицательное сальдо внешней торговли продовольствием и сельскохозяйственным сырьём. Наблюдается усиление позиций иностранного капитала не только в производстве и экспорте сельскохозяйственной продукции, но и в её переработке. По оценке Минсельхоза России, доля иностранного капитала в пищевой промышленности продолжает устойчиво расти и уже составляет 60%.

К этому следует добавить, что весь племенной скот и большую часть сельскохозяйственной техники сельхозпроизводители округа импортируют.

Причины кризисной ситуации в сельском хозяйстве ДФО

Главной причиной неудовлетворительного развития отечественного сельского хозяйства является низкий уровень государственного финансирования отрасли. Доля аграрной составляющей консолидированного бюджета России за 1990–2012 гг. снизилась с 14% до мизерных 1,2% [4, с. 117]. Доля инвестиций в основной капитал аграрного сектора в общем размере инвестиций в экономику снижается: если ещё в 2005 г. она составляла 1,7%, то в 2015 г. – всего 0,4%.

К сожалению, ожидаемого увеличения инвестиций в аграрный сектор ДФО не произошло. В 2013–2014 гг. они уменьшались и только в 2015 г. увеличились (*табл. 6*).

Недофинансирование сельского хозяйства влечёт за собой ухудшение материально-технической базы отрасли. Уже в 2011 г. по сравнению с 1990 г. в ДФО произошло уменьшение количества тракторов в 6 раз, зерноуборочных комбайнов – почти в 4 раза. Резко уменьшилось также количество кукурузоуборочных, картофелеуборочных, кормоуборочных комбайнов, плугов и доильных установок. Если в 1990 г. на 100 га посевных площадей приходилось 519 л.с. энергетических мощностей, то в 2014 г. данный показатель снизился до 215 л.с., то есть в 2,4 раза. При этом если в 1991–1995 гг. на один трактор приходилось 69 га пашни, то в 2011–2014 гг. этот показатель достиг 208 га, то есть увеличился в 3 раза [9].

Таблица 6

Динамика инвестиций в аграрный сектор (сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство) ДФО
в 2010–2015 гг., млн рублей

Территория	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Республика Саха	483	889	482	600	433	506
Камчатский край	208	204	206	212	188	482
Приморский край	767	1 378	1 468	2 070	3 059	2 944
Хабаровский край	1 311	2 200	1 340	1 356	1 368	2 664
Амурская область	1 004	2 048	1 621	2 895	1 505	2 914
Магаданская область	55	23	66	62	44	45
Сахалинская область	299	426	561	1 132	1 476	1 435
Еврейская автономная область	20	58	67	78	32	157
Чукотский автономный округ	297	301	88	130	112	124
ДФО	4 444	7 527	5 899	8 535	8 217	11 271

Источник: статистический сборник «Регионы России. Социально-экономические показатели» за 2010–2015 гг.

Резкое сокращение инвестиций в сельское хозяйство привело к резкому сокращению работ по мелиорации земель и применению удобрений. Так, в 2000 г. по сравнению с 1990 г. внесение минеральных удобрений в ДФО уменьшилось с 91,1 до 12,3 кг/га, затем оно несколько увеличилось (в 2015 г. – до 34,7 кг/га, но это составляет всего 38,1% от уровня 1990 г.).

Ещё хуже положение с применением органических удобрений. По округу оно снижалось до 2010 г., когда составило всего 0,1 т/га, что меньше уровня 1990 г. в 29 раз. В 2015 г. внесение удобрений увеличилось до 0,3 т/га, что меньше данного показателя по стране в 4,3 раза. При низком уровне удобрений плодородие почв истощается, что отрицательно сказывается на урожайности сельскохозяйственных культур.

Ещё одна причина неудовлетворительного положения дел в сельском хозяйстве округа – низкий уровень оплаты труда в сельском хозяйстве: по дальневосточным субъектам РФ она колеблется от 35 до 70% от среднего уровня по экономике. Низкая оплата труда, его непривлекательность, слабая обеспеченность сельского населения жильём, объектами инженерной и социальной инфраструктуры и услугами являются одними из основных причин кризиса сельского хозяйства и села.

В таких условиях наблюдается деградация сельской экономики. Динамика численности сельского населения показывает, что за 1990–2016 гг. она сократилась на 21%. Пустеют большие территории, забрасываются сельскохозяйственные угодья, разрушается сельская инфраструктура. Только за 2010–2013 гг. площадь земель сельскохозяйственного назначения в округе уменьшилась на 5,6 млн га, а ведь они являются ресурсом, обеспечивающим поддержание экономической стабильности макрорегиона, и их защита должна рассматриваться как проблема общенациональной значимости [13].

Наконец, следует отметить, что в России при низком уровне господдержки действуют высокие проценты по банковским кредитам, которые достигают до 15–20%. Это основная причина низкой рентабельности сельскохозяйственных организаций России. В 2008–2012 гг. она составила с учётом субсидий 11,8% и –0,2% без них. В ДФО примерно четверть сельскохозяйственных организаций в последние годы была убыточной. По прибыльным организациям средняя сумма прибыли составляла всего 3 776,6 тыс. рублей (по РФ – 6 576,1 тыс. рублей). Уровень рентабельности сельскохозяйственных организаций ДФО в 2014 г. составил без субсидий –9,5%, с их учётом – +9,8% [15].

Условия и основные направления работы по преодолению кризисных явлений в сельском хозяйстве ДФО

Главным условием успешной работы по импортозамещению сельскохозяйственных продуктов в ДФО является устойчивая финансовая деятельность сельхозпредприятий. А.С. Шелепа в своё время отмечал, что «для обеспечения процесса воспроизводства со среднегодовым ростом в 1,5–2% расходы консолидированного бюджета на сельское хозяйство должны составлять не менее удельного веса этого сектора в формировании ВВП, а их уровень не менее 5,6–6,9% расходов консолидированного бюджета. Для обеспечения прироста 3,0–4,5% в год уровень расходов бюджета на сельское хозяйство необходимо довести до 8–10%. ...При этом на федеральный бюджет должно приходиться не менее 70% от общей суммы расходов» [16, с. 98–99]. Анализ финансового состояния предприятий показал, что в современных условиях расширенное воспроизводство могут обеспечить только хозяйства с общей рентабельностью выше 25% [16, с. 139].

Расчёты других экономистов-аграрников [3; 4; 15] по существу подтверждают показатели А.С. Шелепы и обосновывают необходимость принятия закона прямого действия, определяющего долю сельского хозяйства в расходной части бюджета страны в размере до 10% (но не менее 7–8%) и предполагающего повышение средней рентабельности сельхозпроизводства в стране до 25–30%.

К сожалению, в ближайшей перспективе отечественное сельское хозяйство по финансовому обеспечению по-прежнему будет сильно отставать от аграрного сектора развитых стран: «среднегодовое финансирование сопоставимого по сельхозугодиям аграрного сектора ЕС в 2014–2020 гг. составит 2,3 трлн против 0,2 трлн руб. по российской государственной программе на 2013–2020 гг., т.е. на порядок ниже» [3, с. 72].

Финансирование аграрного сектора целесообразно осуществлять преимущественно через государственную поддержку цен на продукцию сельского хозяйства (не менее чем на 60–70% за счёт федерального бюджета), перенеся акцент в поддержке с кредитования на прямое субсидирование в рамках оптимизации уровня цен на продукцию сельхозпредприятий, обеспечивающих их среднюю рентабельность в 25–30%. При этом часть прямого субсидирования необходимо связать с обязательным внедрением прогрессивных технологий производства [3]. Также необходима рационализация отраслевой структуры: «в ней должны занять свои ниши сложившиеся типы крупных и средних хозяйств с преобладанием высокотоварного производства, включая сельскохозяйственные кооперативы, преимущественно вертикального типа» [4, с. 116].

Совершенствуя организационно-экономический механизм в сельском хозяйстве, необходимо усилить «очистку» произведённого в отрасли первоначального продукта от непомерных и необоснованных «накруток» многочисленных посредников. В настоящее время по основ-

ным продовольственным товарам (мясо, молоко, хлеб) доля всевозможных наценок в структуре себестоимости конечного продукта достигает 60–80%, чего нет в развитых в аграрном отношении государствах [8]. Необходим контроль за ценами по всей технологической цепочке от поля до прилавка.

Заработная плата в сельском хозяйстве должна быть близка к средней по экономике. Отметим, что в США она даже выше средней. К сожалению, в Госпрограмме развития сельского хозяйства до 2020 г. повышение заработной платы планируется всего до 55% от средней по экономике. При таком подходе вместо радикальных действий по успешному развитию сельского хозяйства будет усугубляться бедственное положение сельского населения.

Требуется ужесточить контроль качества завозимых в страну продуктов, вводя новые стандарты, ГОСТы. К сожалению, эти требования не усиливаются, а снижаются.

В Хабаровском крае для решения накопившихся в сельском хозяйстве проблем создана новая структура – сельскохозяйственный фонд со стартовым капиталом 35 млн рублей. Это должно помочь реанимировать потребительскую и сельскохозяйственную кооперацию. Фонд призван содействовать организации хозяйственных связей производителей сельхозтоваров и делать эти связи дешевле. Фонд поможет предпринимателям вспахать и обработать землю, собрать урожай и, самое главное, реализовать его, то есть обеспечить замкнутость всего сельскохозяйственного цикла – от подготовительных работ до транспортировки в торговую сеть. Этот опыт заслуживает распространения в другие регионы ДФО.

Заключение

Можно констатировать, что санкции существенно ограничили возможность привлечения иностранных финансовых ресурсов, что привело к снижению доступности «внутренних» кредитов из-за повышения процентных ставок, которые существенно выше, чем в США и ЕС. Это снизило ценовую конкурентоспособность российской продукции. По ряду видов продовольствия произошло не замещение импорта, а его перераспределение, причём в значительной степени между странами дальнего зарубежья. Проведённый анализ состояния сельского хозяйства ДФО показал, что успешное импортозамещение сельскохозяйственных продуктов в макрорегионе зависит прежде всего от решения многих общетраслевых задач, притом преимущественно на федеральном уровне.

При расширении производства сельскохозяйственных продуктов важно учитывать, что оно создаёт новые рабочие места, способствует развитию смежных отраслей экономики и сохранению сельских территорий, расширяет налогооблагаемую базу, сокращает уровень сельской безработицы, создаёт мультипликационный эффект. Проблема обеспечения продовольственной безопасности ДФО и страны в целом не столько аграрная, сколько комплексная, связанная с макроэкономическим развитием государства, его возможностями по осуществлению социально ориентированной политики и повышению жизненного уровня населения.

Наряду с увеличением прямых инвестиций в аграрный сектор очень важно создать условия для нормального функционирования российского АПК, совершенствовать его организационно-экономический механизм на федеральном и региональном уровнях [5]. Это предполагает установление приемлемых транспортных и энергетических тарифов естественных монополий (не выше тарифов для промышленности), ставок кредитования не более 2% выше ставки Центрального банка России, гарантированной экономически обоснованной доли для сельхозпредприятий в розничных ценах сельскохозяйственных продуктов. Необходимы орга-

низация гарантированных по заранее оговоренным ценам закупок у отечественных товаропроизводителей сельскохозяйственной продукции для государственного продовольственного резерва и снабжения армии, предоставление для предприятий оправданных налоговых льгот, внедрение страхования от падения сельхоздоходов из-за неблагоприятных погодных условий и кризисных явлений на рынке сельхозтоваров.

Следует шире развивать кооперативное движение среди производителей сельхозтоваров, создавать и внедрять инновации и механизмы, побуждающие предприятия переходить на инновационный путь развития. Этот путь развития диктуется самой сутью рыночной экономики, где выживают в условиях нормальной конкурентной борьбы лишь те, кто постоянно внедряет прогрессивные технологии и методы хозяйствования. ДФО, располагая достаточными природными ресурсами, не только может, но и обязан заниматься импортозамещением как необходимым мероприятием для развития АПК и экономики округа в целом. Крайне необходимо добиться приемлемых отпускных цен на удобрения и повышения их внесения до научно обоснованных норм.

Необходима новая аграрная национальная политика, которая «должна не только гарантировать взаимоувязанное устойчивое развитие всех обеспечивающих производство отраслей, но и его координацию с развитием других ключевых секторов, общим социально-пространственным преобразованием страны» [4, с. 100–101].

Список литературы

1. Абашева Е. Шансы от санкций // Дальневосточный капитал. 2014. № 10. С. 14–23.
2. Бородин К. Влияние эмбарго и санкций на агропромышленные рынки России: анализ последствий // Вопросы экономики. 2016. № 4. С. 124–143.
3. Буздалов И.Н. России нужна новая аграрная политика // Экономическая наука современной России. 2015. № 4. С. 63–83.
4. Буздалов И., Фрумкин Б. Современное положение в российском сельском хозяйстве и новые требования к аграрной политике // Общество и экономика. 2014. № 7–8. С. 100–124.
5. Голубев А. Импортозамещение на агропродовольственном рынке России: намерения и возможности // Вопросы экономики. 2016. № 3. С. 46–62.
6. Гумеров Р. Агропродовольственная политика: как реализовать смену парадигм (концептуальные соображения по реформированию системы управления АПК России) // Российский экономический журнал. 2015. № 2. С. 66–83.
7. Гумеров Р. Новейшая эволюция российской агроэкономики: барьеры управленческой некомпетентности // Российский экономический журнал. 2014. № 5. С. 31–57.
8. Назаренко В.И. Продовольственная безопасность (в мире и в России). М.: Памятники исторической мысли, 2011. 284 с.
9. Реймер В.В., Улезько А.В., Тютюников А.А. Инновационно-ориентированное развитие АПК Дальнего Востока. Воронеж: Воронежский ГАУ, 2016. 347 с.
10. Сухомиров Г.И. Проблема самообеспечения сельскохозяйственными продуктами в регионах Дальневосточного федерального округа // Проблемы развития территории. 2017. № 1. С. 173–186.
11. Сухомиров Г.И., Заостровских Е.А. Региональный зерновой экспорт: Сибирь и Дальний Восток // Пространственная экономика. 2011. № 4. С. 56–71. DOI: 10.14530/se.2011.4.056-071.
12. Сухомиров Г.И., Шелепа А.С. Проблемы долгосрочного развития сельского хозяйства Дальнего Востока // Пространственная экономика. 2012. № 4. С. 155–165. DOI: 10.14530/se.2012.4.155-165.

13. Тимофеева Я.О., Голов В.И., Жарикова Е.А., Голодная О.М., Нестерова О.В., Кришевская С.В., Журавлев Ю.Н. Почвенные ресурсы Дальневосточного региона // Вестник ДВО РАН. 2015. № 5. С. 5–8.
14. Фрумкин Б. Агропромышленный комплекс России в условиях «войны санкций» // Вопросы экономики. 2015. № 12. С. 147–153.
15. Чекавинский А.Н., Советов П.М. Проблемы использования научно-технических достижений в сельском хозяйстве. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. 164 с.
16. Шелепа А.С. Дальневосточное село: состояние и организационно-экономические проблемы развития. Хабаровск: ХГАЭП, 2006. 184 с.

References

1. Abasheva E. Chances of Sanctions. *Dal'nevostochnyy kapital* [The Far Eastern Capital]. 2014. No. 10. Pp. 14–23. (In Russian)
2. Borodin K. The Impact of the Embargo and Sanctions on the Agri-Food Markets in Russia: Analysis of Consequences. *Voprosy ekonomiki* [Issues of Economics]. 2016. No. 4. Pp. 124–143. (In Russian)
3. Buzdalov I.N. Russia Needs New Agrarian Policy. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii* [Economics of Contemporary Russia]. 2015. No. 4. Pp. 63–82. (In Russian)
4. Buzdalov I., Frumkin B. The Current Situation in Russian Agriculture and New Requirements for Agricultural Policy. *Obshchestvo i ekonomika* [Society and Economics]. 2014. No. 7–8. Pp. 100–124. (In Russian)
5. Golubev A. Import Substitution in the Russian Agri-Food Market: Expectations and Capabilities. *Voprosy ekonomiki* [Issues of Economics]. 2016. No. 3. Pp. 46–62. (In Russian)
6. Gumerov R. Agrofood Policy: How to Realize the Change of Paradigms (Conceptual Ideas on Reforming Management System in Russia's Agribusiness). *Rossiyskiy ekonomicheskii zhurnal* [Russian Economic Journal]. 2015. No. 2. Pp. 66–83. (In Russian)
7. Gumerov R. The Latest Evolution of Russian Agro-Economy: Barriers of Managerial Incompetence. *Rossiyskiy ekonomicheskii zhurnal* [Russian Economic Journal]. 2014. No. 5. Pp. 31–58. (In Russian)
8. Nazarenko V.I. *Food Security (in the World and in Russia)*. Moscow, 2011. 284 p. (In Russian)
9. Reymer V.V., Ulez'ko A.V., Tutunikov A.A. *Innovation Oriented Development of Agriculture in the Russian Far East*. Voronezh, 2016. 347 p. (In Russian)
10. Sukhomirov G.I. The Issue of Self-Sufficiency of the Regions of the Far Eastern Federal District with Agricultural Products. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of Territory's Development]. 2017. No. 1. Pp. 173–186. (In Russian)
11. Sukhomirov G.I., Zaostrovskikh E.A. Regional Grain Export: Siberia and the Far East. *Prostranstvennaya ekonomika = Spatial Economics*. 2011. No. 4. Pp. 56–71. DOI: 10.14530/se.2011.4.056-071. (In Russian)
12. Sukhomirov G.I., Shelepa A.S. Long-Term Agricultural Development Problems of the Russian Far East. *Prostranstvennaya ekonomika = Spatial Economics*. 2012. No. 4. Pp. 155–165. DOI: 10.14530/se.2012.4.155-165. (In Russian)
13. Timofeeva Ya.O., Golov V.I., Zharikova E.A., Golodnaya O.M., Nesterova O.V., Kryshevskaya S.V., Zhuravlev Yu.N. Soil Resources of the Far Eastern Region: Current Status and Use. *Vestnik Dalnevostochnogo otdeleniya Rossiiskoy akademii nauk* [Vestnik of the Far East Branch of the Russian Academy of Sciences]. 2015. No. 5. Pp. 5–8. (In Russian)
14. Frumkin B. Russian Agricultural Sector in the «War of Sanctions». *Voprosy ekonomiki* [Issues of Economics]. 2015. No. 12. Pp. 147–153. (In Russian)

15. Chekavinskiy A.N., Sovetov P.M. *Issues of Technical Achievements Use in Agriculture*. Vologda, 2015. 164 p. (In Russian)

16. Shelepa A.S. *The Far Eastern Village: Current State and Organizational and Economic Issues of Development*. Khabarovsk, 2006. 184 p. (In Russian)

■ ■ ■ ■
Для цитирования:

Сухомиров Г.И. Развитие сельского хозяйства ДФО в условиях санкций и экономического кризиса // Регионалистика. 2017. Т. 4. № 4. С. 56–66. DOI: [10.14530/reg.2017.4](https://doi.org/10.14530/reg.2017.4)

For citing:

Sukhomirov G.I. Development of Agriculture of Far Eastern Federal District in Conditions of Sanctions and Economic Crisis. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2017. Vol. 4. No. 4. Pp. 56–66. (In Russian) DOI: [10.14530/reg.2017.4](https://doi.org/10.14530/reg.2017.4)

**РЯБЦЕВ
Александр
Васильевич**

Кандидат юридических наук,
доцент, учёный секретарь
Учёного совета

Дальневосточный
юридический институт
МВД России,
пер. Казарменный, 15,
Хабаровск, Россия, 680020

**RYABTSEV
Aleksandr
Vasilyevich**

PhD in law,
associate professor, scientific
secretary of the Academic
Council

Far Eastern Law Institute
of the Ministry of Internal
Affairs of Russian Federation,
15, pereulok Kazarmennyi,
Khabarovsk, Russia, 680020

ryabtsev_alex@mail.ru

© Рябцев А.В.,
Черникова Е.А., 2017

УДК 316.4

**ОЦЕНКА СОЦИАЛЬНОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЕНИЗИРОВАННЫХ
ОРГАНИЗАЦИЙ ГРАЖДАНСКОГО
НАЗНАЧЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ГИБДД
ХАБАРОВСКОГО КРАЯ)**

В отношении военизированных организаций в современной социологии встает вопрос об адаптации данных социальных образований к условиям функционирования в гражданском обществе. Особую значимость приобретает оценка деятельности указанных организаций посредством изучения общественного мнения.

*Хабаровский край, гражданское общество,
военизированная организация, социальная эффективность,
ГИБДД, общественное мнение*

**EVALUATION OF SOCIAL EFFECTIVENESS
OF ACTIVITIES IN PARAMILITARY
ORGANIZATIONS OF CIVIL APPOINTMENT
(ON THE EXAMPLE OF STATE TRAFFIC
SAFETY INSPECTORATE OF Khabarovsk
TERRITORY)**

The question of the adaptation of paramilitary organizations to the functioning in civil society rises in modern sociology. Particular importance is the assessment of the activities of these organizations through public opinion research.

*Khabarovsk territory, civil society, paramilitary organization,
social effectiveness, State Traffic Safety Inspectorate, public opinion*

ЧЕРНИКОВА**Елена
Анатолевна**

Старший научный сотрудник

Дальневосточный
юридический институт
МВД России,
пер. Казарменный, 15,
Хабаровск, Россия, 680020**CHERNIKOVA****Elena
Anatolievna**

Senior researcher

Far Eastern Law Institute
of the Ministry of Internal
Affairs of Russian Federation,
15, pereulok Kazarmennyi,
Khabarovsk, Russia, 680020chernikova1968@gmail.com

Одной из наиболее актуальных проблем развития современного российского общества становится оценка социальной эффективности деятельности структур, обеспечивающих безопасность существования самого общества.

Как отмечают В.К. Терзиев и Е.Н. Стоянов, «долгое время сама постановка вопроса о социальной эффективности рассматривалась в социологии и экономике как дискуссионная. До сих пор не найдено однозначного и общепринятого определения понятия «социальная эффективность»» [8, с. 226]. Анализу социальной эффективности с различных точек зрения посвящено достаточно много работ¹. В данной работе авторы придерживались точки зрения, согласно которой «в тех случаях, когда социальный эффект трудно измерить количественно, единственным надёжным критерием для его оценки может служить только степень его приближения к цели, к реализации тех ценностей, которые предусмотрены в ней» [8, с. 229].

В современном российском обществе наблюдаются свидетельства недостаточной эффективности механизмов обеспечения социальной безопасности, в частности, связанные с функционированием Государственной инспекции безопасности дорожного движения (ГИБДД). Поэтому во все не случайно ГИБДД, которую можно рассматривать как институт контроля социального пространства транспортной мобильности, в настоящее время готовятся реформировать.

ГИБДД – это военизированная организация гражданского назначения. Подобные организации могут быть «определены как организации институционального характера, построенные по типу военной службы и осуществляющие деятельность по обеспечению безопасности личности, общества и государства путём поддержания легитимного социального порядка в сферах, не связанных с вооруженной защитой от внешнего врага» [6, с. 15]. Военизированные организации берут на себя обязанность по защите интересов граждан и обеспечению безопасности в гражданском обществе. Члены военизированных организаций могут быть отнесены, используя терминологию Гегеля, к всеобщему сословию: «Занятие всеобщего сословия состоит в охранении всеобщих интересов общества, поэтому оно должно быть освобождено от непосредственного труда для удовлетворения своих потребностей либо благодаря частному состоянию, либо благодаря тому, что государство, заинтересованное в его деятельности, способствует его безбедному существованию...» [4, с. 243–244].

¹ См., например, [1; 2; 3; 5; 10].

Гражданское общество находится в постоянном изменении. Для военизированных же организаций весьма характерны закоснелость и своего рода резистентность по отношению к социальным изменениям. Система норм военизированных организаций, будучи консервативна по своей природе, если и изменяется, то в течение длительного времени и не радикально: «такая консервативность есть основная и наиболее значимая характеристика подобных организаций» [7, с. 396].

Важнейшим элементом технологии оценки социальной эффективности является изучение общественного мнения как важнейшего источника информации. В свете планируемой реформы ГИБДД актуальность соответствующих исследований¹ более чем очевидна.

В данной работе мы остановимся подробнее лишь на одном компоненте оценочных суждений жителей Хабаровского края относительно работы ГИБДД – воспринимаемом уровне коррупционности, используя в качестве основы результаты двух социологических исследований, проведенных в 2015–2016 гг.²

В ходе исследования 2016 г. выяснилось, что удовлетворенность граждан работой сотрудников ГИБДД стала ниже в сравнении с оценками 2015 г. Если в 2015 г. отмечали удовлетворительную работу сотрудников исследуемой военизированной организации 72% респондентов при 16% затруднившихся с ответом, то в 2016 г. затруднились оценить работу ГИБДД уже 28% респондентов, а удовлетворительной её сочли только 63%.

Данная негативная динамика, вероятно, частично была обусловлена резонансными происшествиями июня и августа 2015 г. А именно: в июне 2015 г. в отношении сотрудников ГИБДД Хабаровска возбудили уголовные дела за взяточничество на посту ДПС (возбуждение дел продолжалось и в 2016 г.). Вторая, не менее резонансная ситуация была связана с дорожно-транспортным происшествием, произошедшим в августе 2015 г. на автодороге Хабаровск – Комсомольск: в результате столкновения двух автобусов 15 человек погибло, а 43 получило ранения различной степени тяжести.

Средний балл, на который респонденты оценили работу ГИБДД, составлял 3,8. «Удовлетворительно» – это основная оценка, которую респонденты ставили инспекции за работу.

Немного официальной статистики за 2016 г. В более чем половине случаев дорожно-транспортным происшествиям сопутствовало неудовлетворительное состояние улично-дорожной сети. Количество происшествий и пострадавших в таких ДТП увеличилось практически на четверть и составило 1 040 ДТП (+22,1%). Порядка 35% дорожно-транспортных происшествий (от общего числа ДТП в крае) связано с наездами на пешеходов, а число погибших в ДТП пешеходов составило 37% от всех погибших в ДТП.

¹ О результатах подобных исследований см. подробнее [9], а также: http://publicverdict.ru/articles_images/8809_53999_%D0%A0%D0%B5%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B0%20%D0%BC%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D1%86%D0%B8%D0%B8%20%D0%BE%D1%86%D0%B5%D0%BD%D0%BA%D0%B8%20%D0%B8%20%D0%BE%D0%B6%D0%B8%D0%B4%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8F%20%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%B6%D0%B4%D0%B0%D0%BD.pdf; <https://komitetgi.ru/upload/iblock/296/2969d832e9da6543f4826a25938e3954.pdf>; http://rgsu.net/netcat_files/1159/2560/mvd.pdf; <http://indsi.ru/files/sociology/gibdd2015.pdf>

² В апреле-мае 2015 г. ООО «Социс» было проведено социологическое исследование «Оценка населением эффективности деятельности органов исполнительной власти, органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов, руководителей органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов». В октябре-ноябре 2016 г. ООО «ДВИЦР» было проведено социологическое исследование «Оценка населением эффективности деятельности органов местного самоуправления Хабаровского края». В обоих случаях выборка составила 800 человек. Научным руководителем исследований, которые проводились по заказу Правительства Хабаровского края, был доктор политических наук, профессор И.Ф. Ярулин (Тихоокеанский государственный университет).

Однако работу ГИБДД главным образом замечают автомобилисты. Для пешеходов деятельность ГИБДД не заметна, что далеко не полностью соответствует специфике работы данной структуры.

Приведённая статистика даёт представление о том, что для решения задачи по снижению числа погибших и раненых в ДТП людей необходимо в первую очередь максимально обезопасить самых незащищённых участников дорожного движения, создав безопасные условия для движения пешеходов.

Проблема взяточничества и коррумпированности правоохранительных органов (включая сотрудников ГИБДД), можно сказать, «общеизвестна». В ходе исследований достаточно часто фиксировались различные критические замечания респондентов о коррупции в ГИБДД.

Полученные в 2016 г. ответы на вопрос «Как бы вы оценили степень распространённости коррупции (взяточничества, использования служебного положения в личных целях и др.) в структурах ГИБДД в Хабаровском крае?» распределились так, как это представлено на [рисунке 1](#).

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос о степени распространённости коррупции в структурах ГИБДД Хабаровского края, %

Таким образом, присутствие в ГИБДД коррупции (в той или иной степени) отметило 75% респондентов. Если сравнить эти данные с ответами тех, кто был участником или свидетелем ДТП, то можно обнаружить некоторые отличия. 29% тех, кто был участником или свидетелем ДТП, затруднилось оценить степень распространённости коррупции, 16% отметило, что её уровень высок, а 38% – что уровень коррупции средний. Другими словами, те, кто непосредственно сталкивался с работой ГИБДД, оценивали уровень коррупции среди сотрудников инспекции несколько ниже, чем те, кто с работой ГИБДД не сталкивался.

Это достаточно наглядно подчёркивает оценочный характер суждений респондентов и распространение среди них соответствующих стереотипов. 75% респондентов вовсе не обязательно сталкивалось с проявлениями коррупции в ГИБДД, просто три четверти опрошенных было априорно убеждено в том, что коррупция в этой организации в большей или меньшей мере, но присутствует.

Сказанное подтверждается ответами на вопрос о том, сталкивались ли респонденты с реальными случаями коррупции в ГИБДД ([рис. 2](#)).

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Сталкивались ли Вы с реальными случаями вымогательства, взятки и иного проявления коррупции в ГИБДД?», %

Как видно, только около 19% респондентов так или иначе сталкивалось в 2016 г. с проявлением коррупции в ГИБДД.

Тем не менее очевидно, что вопрос противодействия коррупции в ГИБДД требует пристального внимания. Необходимо уделить внимание и информационному сопровождению кампании противодействия коррупции, создавая положительный образ инспекции в глазах жителей Хабаровского края.

Интересным представляется сопоставление данных указанных социологических опросов с итогами приуроченной к 80-тилетию образования Госавтоинспекции (ГАИ) национальной премии «Хрустальный гаишник», которые в декабре 2016 г. подвёл автомобильный портал Drom.ru. Автолюбители оценивали работу инспекции по пятибалльной шкале. По итогам онлайн-голосования сотрудники ГИБДД Хабаровского края получили три балла. 24,7% поставило ГИБДД Хабаровского края отметку «ужасно», 25,2% оценило работу инспекторов на отлично, а 20,9% поставило им тройку. Остальные голоса распределились между двойкой и четвёркой. В едином рейтинге регионов России ГИБДД Хабаровского края оказался на 47-й позиции¹.

Представляется, что полученные результаты могут быть использованы для обоснования мер по совершенствованию социального взаимодействия в сфере социального контроля безопасности автомобильного дорожного пространства, а также при реформировании соответствующего института.

¹ <http://www.gubernia.com/mixer/zhizn/rabotu-sotrudnikov-gibdd-khabarovskogo-kрая-otsenili-na-troyku/>

Список литературы

1. Барциц И.Н. Социальная эффективность государственного управления: модели, критерии, российский опыт внедрения // Проблемы управления. 2011. № 1. С. 92–100.
2. Берендеева А.Б. Социальный «вектор» в экономике: теоретические и статистические оценки // Вестник Костромского государственного университета. Серия «Экономические науки»: Проблемы новой политической экономии. 2005. № 1. С. 27–36.
3. Газиева И.А. Структура социальной деятельности и социальная эффективность // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2009. № 4-1. С. 23–28.
4. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. 524 [2] с.
5. Марков М. Технология и эффективность социального управления. М.: Прогресс, 1982. 267 с.
6. Пашин Л.А. Особенности социального развития военизированных организаций гражданского назначения (на материалах ГИБДД): автореф. дис. ... д-ра социол. наук. М., 2001. 45 с.
7. Степанов Н.А., Агранат Д.Л. Институциональные противоречия гражданского общества и военизированных организаций // Личность. Культура. Общество. 2008. Т. X. № 3-4. С. 394–400.
8. Терзиев В.К., Стоянов Е.Н. Социальная эффективность как мера деятельности в социуме // Инновационная наука. 2016. № 3-1. С. 225–234.
9. Шакалов И.И. Имидж российских органов внутренних дел в 2012 году: предварительные итоги реформы (по результатам комплексного изучения общественного мнения) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2012. № 3. С. 64–70.
10. Terziev V. Criteria and Indicators for Social Efficiency // Государственное и муниципальное управление в XXI веке: теория, методология, практика. 2015. № 17. С. 46–70.

References

1. Bartsits I.N. Social Effectiveness of Public Administration: Models, Criteria and the Experience of their Implementation in Russia. *Problemy upravleniya* [The Issues of Administration and Management]. 2011. No. 1. С. 92–100. (In Russian)
2. Berendeeva A.B. Social «Vector» in the Economy: Theoretical and Statistical Estimates. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Ekonomicheskie nauki»: Problemy novoy politicheskoy ekonomii* [Bulletin of the Kostroma State University. Series «Economic Sciences»: Problems of New Political Economy]. 2005. No. 1. Pp. 27–36. (In Russian)
3. Gazieva I.A. Structure of Social Activity and Social Efficiency. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta* [Vestnik of Vyatka State Humanitarian University]. 2009. No. 4-1. Pp. 23–28. (In Russian)
4. Hegel G.W.F. *Elements of the Philosophy of Right*. Moscow, 1990. 526 p. (In Russian)
5. Markov M. *Technology and Effectiveness of Social Management*. Moscow, 1982. 267 p. (In Russian)
6. Pashin L.A. *Peculiarities of Social Development of Paramilitary Organizations of Civil Appointment (on the Materials of the State Traffic Safety Inspectorate): the Author's Abstract of Doctoral Dissertation*. Moscow, 2001. 45 p. (In Russian)
7. Stepanov N.A., Agranat D.L. Institutional Contradictions of Civil Society and Paramilitary Organizations. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo* [Personality. Culture. Society]. 2008. Vol. X. No. 3-4. Pp. 394–400. (In Russian)
8. Terziev V.K., Stoyanov E.N. Social Efficiency as a Measure of Activity in the Society. *Innovatsionnaya nauka* [Innovative Science]. 2016. No. 3-1. Pp. 225–234. (In Russian)
9. Shakalov I.I. Image of the Russian Law-Enforcement Bodies in 2012: Preliminary Results of Reform

(According to Results of Complex Studies of Public Opinion). *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie* [The Bulletin of Adyghe State University. Series 2: Philology and Art History]. 2012. No. 3. Pp. 64–70. (In Russian)

10. Terziev V. Criteria and Indicators for Social Efficiency. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie v XXI veke: teoriya, metodologiya, praktika* [State and Municipal Governance in the 21st Century: Theory, Methodology, Practice]. 2015. No. 17. Pp. 46–70.

■ ■ ■
Для цитирования:

Рябцев А.В., Черникова Е.А. Оценка социальной эффективности деятельности военизированных организаций гражданского назначения (на примере ГИБДД Хабаровского края) // Регионалистика. 2017. Т. 4. № 4. С. 67–73. DOI: [10.14530/reg.2017.4](https://doi.org/10.14530/reg.2017.4)

For citing:

Ryabtsev A.V., Chernikova E.A. Evaluation of Social Effectiveness of Activities in Paramilitary Organizations of Civil Appointment (on the Example of State Traffic Safety Inspectorate of Khabarovsk Territory). *Regionalistica* [Regionalistics]. 2017. Vol. 4. No. 4. Pp. 67–73. (In Russian) DOI: [10.14530/reg.2017.4](https://doi.org/10.14530/reg.2017.4)

**ЮСУПОВ
Владимир
Рашитович**

Кандидат географических
наук, эксперт

Дальневосточный
научный центр местного
самоуправления,
ул. Запарина, 30, оф. 120
Хабаровск, Россия, 680000

**YUSUPOV
Vladimir
Rashitovich**

Ph.D. in geography,
expert

Far Eastern Scientific Center
of Local Government,
of. 120, 30, Zaparina Street,
Khabarovsk, Russia, 680000

yvr-prog@mail.ru

© Юсупов В.Р., 2017

УДК 314 + 332.1

НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ ИТОГАХ III ВСЕРОССИЙСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА» И НЕ ТОЛЬКО

В работе разбирается прошедшая в мае 2017 г. в Благовещенске III Демографическая конференция, на которой обсуждались подходы к решению демографических проблем ДФО. С одной стороны, на конференции были рассмотрены результаты и надежды демографического развития, связанные с работой традиционных отраслей (здравоохранения, образования) и запуском крупных хозяйственных проектов в макрорегионе. С другой стороны, были обозначены фундаментальные факторы, прежде всего экономические, формирующие негативную базу демографии сегодня. Также в работе дана оценка подготовленных после окончания конференции документов Правительства и Госсовета РФ, связанных с мерами демографической политики.

Демография, миграция, качество жизни, человеческий капитал, благосостояние, концепция демографического развития Дальнего Востока

SOME REFLECTIONS ON THE RESULTS OF III ALL-RUSSIAN CONFERENCE «DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF FAR EAST» AND SOMETHING OTHER

The Demographic Conference, held in May 2017 in Blagoveshchensk, where the approaches to solving the demographic problems of Far Eastern Federal District were discussed, is considered in the work. On the one hand, the conference examined the results and hopes of demographic development related to the work of traditional industries (healthcare, education) and to the start of large-scale economic projects in the macroregion. On the other hand, fundamental factors were identified, primarily economic ones, which form the negative basis of demography today. Also, the evaluation of the documents prepared by the Government and the State Council after the end of conference and related to the demographic policy is given in the work.

Demography, migration, life quality, human capital, welfare, conception of Far East demography development

III Всероссийская конференция «Демографическое развитие Дальнего Востока», состоявшаяся 28–30 мая 2017 г. в Благовещенске, проходила под эгидой Министерства по развитию Дальнего Востока (Минвостокразвития), Правительства Амурской области и Агентства по развитию человеческого капитала (АРЧК).

На конференции присутствовало около 60 представителей органов власти дальневосточных регионов, отвечающих за социальное развитие и здравоохранение, социологических служб, Минвостокразвития, АРЧК, общественных организаций. Были и немногочисленные представители вузов и академических институтов Дальнего Востока и Москвы. На пленарных заседаниях присутствовало большое количество медицинских работников Амурской области.

На двух предшествующих конференциях, которые проходили в Хабаровске, были сформулированы основные проблемы демографии макрорегиона и дана установка на преодоление негативных тенденций путём осуществления конкретных мероприятий по приоритетным направлениям в регионах. Прежде всего, это качественное улучшение в медицинском обслуживании, всеобщий охват населения медицинскими услугами, применение высокотехнологичной медицины, содействие здоровому образу жизни. В социальном плане: содействие молодежи в становлении семейных отношений, укрепление института семьи, содействие созданию экономической основы жизни будущих поколений. По этим направлениям была ориентирована в большей степени и работа III Демографической конференции.

Проблемы демографии для региона чрезвычайно актуальны. Численность населения на начало 2017 г. составила 6,2 млн человек, что ниже уровня 1974 г. С 1991 г. макрорегион потерял 1,9 млн человек или каждого пятого жителя. Стоящие перед макрорегионом задачи социально-экономического развития и интеграции в мировую экономику (прежде всего в АТР) становятся крайне уязвимыми с учётом сложившейся ситуации в демографии.

В работе конференции достаточно явно прослеживались две компоненты. Первая – «официальная» – компонента предполагала демонстрацию результативности и активности действий органов власти и управления. Конференцию приветствовали полпред Президента РФ в ДФО Ю.П. Трутнев и глава Минвостокразвития А.С. Галушка, а открывал конференцию губернатор Амурской области А.А. Козлов.

Характерно, что определённым «стартом» работы конференции послужил ряд внешне эффективных мероприятий – вручение сертификатов здоровья молодым семьям, забег граждан, посвящённый здоровому образу жизни, молодёжная дискуссия и мозговые штурмы по актуальным направлениям молодёжной политики, а перед конференцией участникам в массовом порядке мерили давление и брали у них кровь на сахар. Ряд работников Минвостокразвития также принимал участие в забеге, что, наверное, должно было продемонстрировать решительность и направленность его сотрудников на действие – «забегом к улучшению демографических показателей».

В ходе дискуссий приоритетное внимание было обращено на поведение молодёжи как активной части населения. При работе пяти тематических групп были выделены основные угрозы для становления молодёжи – сложности с работой, слабая инфраструктура, климатические условия, стоимость жизни, доступность жилья. Что уже на старте конференции показало большую широту демографической проблемы в макрорегионе, решение которой не сводится к развитию медицины и поддержке молодых семей.

Одна из особенностей поведения работников Минвостокразвития, модерировавших дискуссию, заключалась в регулярных попытках «встряхнуть» молодёжную аудиторию и подтолкнуть её к более активным действиям. Очень часто звучала фраза «Вы живёте в плену стереотипов».

О смене демографического тренда и общественном восприятии в ДФО говорилось в докладе ВЦИОМ «Социологический мониторинг миграционной ситуации на Дальнем Востоке». Авторы доклада подчёркивали позитивность происходящих изменений на Дальнем Востоке. Так, у 40% россиян существует понимание, что на Дальнем Востоке есть хорошие заработки, 23% видят перспективы карьерного роста, 20% считают решённой проблему доступного жилья. При решении таких проблем, как трудоустройство, социальное обеспечение, наличие компенсационных выплат и т.д. значительная часть россиян согласна на переезд на Дальний Восток. В этом, по мнению ВЦИОМ, заключается посыл к изменению в оценке миграционной привлекательности Дальнего Востока.

В докладе замминистра Минвостокразвития С.В. Качаева подчёркивалось разнообразие составляющих демографической политики. Упор был сделан на таких вопросах, как продолжительность жизни, миграция, рождаемость. По первому блоку предполагается развитие таких направлений, как: 1) модернизация фельдшерско-акушерских пунктов в центры здоровья, 2) развитие диагностики, 3) здоровое питание, 4) создание фонда будущих поколений, 5) телемедицина. Меры по миграции предполагается развивать в таких направлениях, как: 1) формирование кадров для новых проектов, 2) программа «дальневосточного гектара», 3) целевое привлечение молодёжи, 4) мобильность трудовых ресурсов, 5) транспортная доступность, 6) создание лабораторий человеческого капитала.

Тем самым ещё раз была подчёркнута многогранность проблемы. К сожалению, подчеркнуть указанную многогранность – это ещё не значит обсудить или понять то, как проблема будет решаться. Автору этих строк, да и другим участникам конференции, хотелось бы услышать если и не конкретные планы, так хотя бы намётки того, как проблема будет решаться.

Специалистами ВЦИОМ были приведены данные, что уровень жизни, качество образовательных услуг, слабая культурная жизнь являются препятствием для переезда на Дальний Восток (превышение негативного мнения над позитивным на 20–30%). Программа «дальневосточного гектара» не является для 80% россиян и 70% дальневосточников перспективной, что показывает определённую ограниченность «целевого сегмента» данной программы. В том же исследовании ВЦИОМ указывается на изменение оценок перспективности Дальнего Востока как процветающего региона с 59 до 42% для россиян и с 49 до 44% для дальневосточников соответственно в 2015 и 2016 гг. И это говорит о фактической «привлекательности» макрорегиона. Таким образом, собственные выводы ВЦИОМ выглядят противоречивыми.

Об этом свидетельствует и интервью с В.В. Фёдоровым, гендиректором ВЦИОМ, опубликованное в местной газете «Амурская правда» [2]. В нём известный социолог указал на основные факторы миграционных настроений – неудовлетворённость зарплатой, невозможность профессиональной самореализации, слабая инфраструктура. Там же говорится, что в действующих в последние два года кризиса в стране условиях нестабильность социально-экономической ситуации возрастает, поэтому решение о переезде часто откладывается. Так что в сокращении миграции с Дальнего Востока свою роль играют и другие факторы, а не только усилия Минвостокразвития.

В ходе состоявшихся с регионами Дальнего Востока видеоконференций были подчёркнуты более острые практические аспекты демографической ситуации. Так, губернатор ЕАО А.Б. Левинталь указал на более системную проблему – формирование человеческого капитала, определение его качества, определение необходимой численности населения по регионам. Также была отмечена необходимость совершенствования схемы софинансирования с федеральными органами мер по решению демографических проблем. На это же указывал и губернатор Амурской области А.А. Козлов. В выступлениях представителей Республики Саха

(Якутия) и Хабаровского края прозвучали призывы более широко использовать материнский капитал как важнейший социальный инструмент, не деля его на первого и второго ребенка. В этом видится реальный и действенный стимул к решению демографической проблемы на Дальнем Востоке.

В свою очередь, Минвостокразвития предложило конкретные примеры своей работы по решению демографических проблем посредством сотрудничества с Центром по вопросам демографического развития при АРЧК.

На секции «Формирование культуры здоровьесбережения» выступил ряд приглашённых специалистов. Так, М. Вуйнович (представитель ВОЗ в РФ) показала, что есть традиционный европейский подход к проблемам демографии, который, в частности, предполагает, что состояние здоровья, сокращение неравенства в области здравоохранения рассматриваются как неотъемлемая часть формирования благополучия. В этом видится цельность подхода ВОЗ, на которую стоит обратить внимание (а не только на медицинские факторы демографии, рассматривавшиеся на конференции).

В.Т. Чаюк (заместитель Председателя Правительства Хабаровского края по социальным вопросам) и И.Е. Ларина (министр здравоохранения Магаданской области) в своих докладах показали структуру работы профильных ведомств по улучшению работы в сфере здравоохранения. Внимание прежде всего уделяется системной диспансеризации, развитию высокотехнологичной медицины, внедрению новых технологий и наращиванию услуг в сфере лечения сложных заболеваний. В докладе А.Г. Сучкова (главврач Ивановской ЦРБ Амурской области) были показаны практические технологии организации работы учреждения здравоохранения. Аналогичный доклад был представлен В.Н. Карпенко из Камчатского края.

В докладах был отмечен и относительно новый для Дальнего Востока фактор: в выступлении министра здравоохранения Сахалинской области А.К. Пака помимо всего прочего была озвучена проблема адаптации и включения в социальную жизнь региона мигрантов из Средней Азии, решение которой требует больших дополнительных затрат.

В целом, на конференции достаточно хорошо освещались компоненты работы сферы здравоохранения, но для неспециалистов в медицине (а таковых было большинство на конференции) не было понятно, как это работает на более высокое качество жизни населения Дальнего Востока, каким образом происходит в региональной практике формирование нового синтетического понятия «благополучие и человеческий капитал». Необходимо отметить, что понятие «человеческий капитал» очень мало звучало на конференции. Вместе с тем оно, как представляется, играет одну из ключевых ролей в формировании основы устойчивого развития макрорегиона.

На секции «Миграционная привлекательность» губернатор Амурской области А.А. Козлов рассказал о перспективах социально-экономического развития области с использованием новых механизмов, внедряемых Минвостокразвития. Что со всей очевидностью говорит о необходимости комплексного подхода к решению вопросов демографической направленности. В этой связи область сделала достаточно много в вопросах реформирования кадрового потенциала для новых производственных проектов, особенно в сфере профессионального образования. К сожалению, это не прозвучало на самой конференции, но мы можем привести соответствующие показатели. Так, с 2015 г. было открыто 6 новых специальностей в средних профессиональных образовательных учреждениях, а в 2017 г. открывается ещё 7 новых. Также 7 новых специальностей открыто в АмГУ. В регионе на базе колледжей открыто 6 новых лабораторий, а 2 средние школы аттестуются как профильные для химической промышленности. В г. Белогорск был создан Амурский многофункциональный центр про-

фессиональных квалификаций по современным профессиям для газовой, нефтяной и химической отраслей.

На конференции рассматривались вопросы поддержки семейных отношений, в частности, формирования большой семьи. Был представлен успешный проект, реализованный ЖСК «Гармония» в с. Ракитное (Хабаровский край) для граждан, имеющих трёх и более детей: стоимость жилья оказалась ниже цены городских квартир почти в 3 раза, это позволяет наращивать объёмы строительства и привлекать новых участников.

Особого внимания заслуживает доклад директора Дальневосточного научного центра местного самоуправления Н.П. Поличка (г. Хабаровск), посвящённый вопросам формирования основных знаний о регионе как фактора связи с регионом, его познания и закрепления в нём. В докладе было отмечено, что в школьных программах дальневосточной компоненты отводится всего 2 часа, в то время как через школу существует возможность широкой трансляции на всю семью знаний социальной направленности. В связи с этим в докладе была подчёркнута необходимость расширения «дальневосточной компоненты» в школьных программах.

Вторая компонента в работе конференции – «научно-экспертная» – связана с выступлениями учёных-демографов, в которых была предпринята попытка **системного рассмотрения демографических проблем Дальнего Востока**¹. В рамках данного блока демографическая ситуация в макрорегионе была представлена в не столь оптимистичном свете, как в «официальной» части.

Так, в докладе Е.Л. Мотрич (ИЭИ ДВО РАН, г. Хабаровск) была дана оценка миграционной ситуации на Дальнем Востоке в 1991–2016 гг. В частности, было отмечено, что при смене тренда в положительную сторону имеет место крайняя неустойчивость этих процессов. Фиксируется повышение миграционной активности населения внутри региона, преимущественно из села в город, что говорит о центростремительной тенденции формирования поселенческого каркаса. В докладе также было отмечено, что по скорректированному среднему душевому доходу дальневосточные регионы существенно отстают от целого ряда субъектов РФ, а структурные особенности экономики не создают предпосылок для улучшения средних душевых доходов населения. Естественный прирост населения имеет тенденцию к понижению, а отрицательное сальдо миграции продолжает существовать, что ставит под сомнение стабилизацию населения Дальнего Востока в ближайшей перспективе.

Развёрнутая характеристика потенциала качества жизни на Дальнем Востоке была приведена в выступлении В.Н. Бобкова (РЭУ им. Плеханова, г. Москва). Используя такие показатели, как душевой ВРП, покупательная способность денежных доходов, среднемушевой прожиточный минимум, социально-приемлемый потребительский бюджет, потребительский бюджет среднего и высокого достатка и ряд других, докладчик очень наглядно продемонстрировал фактическую привлекательность макрорегиона. Оказалось, что показатели душевого ВРП в макрорегионе достаточно высоки, но средняя покупательная способность денежных доходов населения на самом деле находится на низком уровне и ниже общероссийских показателей. Недостаточность размеров душевого ВРП сопровождается избыточным неравенством распределения личных доходов населения, что характеризует коэффициент Джини. Абсолютная бедность по шести из 9 дальневосточных субъектов РФ превышает общероссийский уровень. На основании данных характеристик был сделан вывод о том, что в ДФО ещё не созданы достойные экономические условия жизни для постоянной части населения.

¹ К началу конференции был выпущен специальный номер журнала «Уровень жизни населения регионов России» (№ 2 за 2017 г.), посвящённый демографическому развитию Дальнего Востока.

На наш взгляд, обеспечить привлекательность макрорегиона по качеству жизни не позволяет также и существующая модель распределения региональных доходов, в том числе и экспортных (что является ключевым для Дальнего Востока). Эта модель распределения вряд ли будет подвергнута корректировке в ближайшее время, поэтому с высокой долей вероятности можно предугадать большие трудности с реализацией Минвостокразвития и регионами задач Концепции демографической политики на Дальнем Востоке, утверждённой в июне 2017 г. Правительством РФ¹. В этом контексте становится понятным определённый разрыв в риторике Минвостокразвития (первая компонента конференции) и системными характеристиками, приведёнными в выступлениях учёных (вторая компонента).

На наш взгляд, конференция не отличалась высоким уровнем дискуссий. Запомнилась лишь пикировка зампреда профильного комитета ГД РФ И.Н. Абрамова с В.В. Тимаковым о том, что АРЧК лучше было бы размещаться не в Москве, а на Дальнем Востоке. Большой частью доклады зачитывались без обсуждения или какого-нибудь обобщения. Между тем междисциплинарный синтез, актуальность которого постоянно подчёркивает П.А. Минакир [3], на самом деле очень нужен в рассмотрении демографической тематики.

Между сущностными компонентами конференции, отражавшими соответственно «достигнутую результативность» и «слабый фундамент перспектив», не произошёл конструктивный консенсус. Это отразилось и на последующих событиях в управлении развитием демографической сферы на Дальнем Востоке. И будет отражаться, скорее всего, и далее, тем более что развитие миграционных процессов продолжается в негативном направлении [5].

Можно с уверенностью сказать, что утверждённая «Концепция демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года» была «рождена» в полном соответствии с проведённой конференцией (с учётом административных особенностей формирования подобных документов). В ней отразились особенности конференции, её информационные послы и, естественно, заложенные противоречия, указанные нами выше.

Интересно, что в Концепции приводятся негативные характеристики, уводящие демографическое развитие Дальнего Востока «вниз». Это низкое качество жизни, социальной сферы, транспортной и коммунальной инфраструктуры и уровня организации труда. Помимо данных факторов, в большей степени влияющих на миграционные настроения, отмечены факторы, которые тесно связаны с социальным и экономическим благополучием и влияют уже на продолжительность жизни. В частности, зафиксирована повышенная мужская смертность: 78,3% всех умерших в трудоспособном возрасте на Дальнем Востоке составляют мужчины. Это важный фактор, характеризующий социальную обстановку. Показатель первичной заболеваемости алкоголизмом в 2015 г. в Дальневосточном федеральном округе составлял 120,5 случая на 100 тыс. человек (по Российской Федерации – 70,8 случая на 100 тыс. человек). Это довольно правдивый взгляд. И то, что не было официально высказано на конференции, возникло в официальном документе. То, что есть понимание остроты проблемы и особенностей её внутренних моментов, радует на самом деле.

Что не радует в Концепции, так это раздел целеполагания: декларируется поворотный момент стабилизации численности населения (окончания его сокращения) в 2020 г. (6,2 млн человек) и его рост к 2025 г. до 6,5 млн человек. Возникают вопросы: откуда взялись эти цифры? а сколько нужно на самом деле? Но они остаются без ответов. На наш взгляд, это нужно воспринимать как «реалистичный» прогноз Минвостокразвития.

¹ Распоряжение Правительства РФ № 1298-р от 20 июня 2017 г. «Об утверждении Концепции демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года».

Что касается основных направлений и мер, упоминаемых в Концепции, то они звучат достаточно традиционно. В части увеличения рождаемости это расширение категории материнского капитала, выделение «дальневосточных гектаров», помощь многодетным семьям. Вместе с тем такая мера, как помощь молодой семье при рождении первого ребенка и улучшение их жилищных условий, приведена лишь в самом конце мероприятий Правительства¹.

В части мер по сокращению смертности и росту продолжительности жизни также всё выглядит традиционно; при этом делается упор на постоянный рост качества услуг и приближения их к потребителям. В плане работы по миграционному направлению первое мероприятие – «обеспечить выявление и исследование факторов, стимулирующих миграционные настроения населения, а также разработать меры по снижению их влияния и закреплению населения на территории Дальнего Востока» – звучит очень дежурно. Факторы известны и приведены в первом разделе самой Концепции. А меры – это, очевидно, системное улучшение экономического благосостояния населения. Как это сделать – это предмет рассмотрения не для данного обзора.

Необходимо отметить, что иммиграционная ситуация на Дальнем Востоке очень динамична. В 2017 г. наблюдалась та же интенсивность оттока, что и в 2016 г. Важно, что повышенная тяга к перемене мест и жизненного состояния характерна для 4–9% жителей макрорегиона населения (по стране в целом – не более 3%). В дальневосточные города стремятся попасть из некоторых других регионов страны (кроме Центрального, Северо-Западного и Южного федеральных округов). Например, две с половиной тысячи селян из Сибирского округа переехало в дальневосточные города. Обратный процесс (из дальневосточных городов) идёт, но только в Южный и Центральный округа. По-прежнему уезжают люди с высшим образованием. Отмечается положительное сальдо миграции со странами СНГ, в большей степени население прибывает в регионы с тяжёлым климатом (Магадан, Камчатка): Вахта по-прежнему и во всё большем объёме становится инструментом миграционной политики. Так, в I полугодии 2017 г. на территории Дальнего Востока зарегистрировалось на 11 тыс. человек больше, чем было [6]. Здесь же можно вспомнить идеи Ю.А. Авдеева (ТИГ ДВО РАН) о необходимости привлекать на ограниченный срок большое количество рабочих рук. При этом имеется шанс кардинально изменить и экономическую, а в последующем, создав комплекс социальной и экономической инфраструктуры, и демографическую ситуацию в регионе [1].

В Концепции делается упор (и это в определённом смысле новшество) на некие модельные решения. То есть планируется проработать в определённых регионах новые стандарты и модельные решения, которые бы способствовали устранению демографических проблем. Такие решения прорабатываются, например, в г. Свободный, готовятся в Комсомольске-на-Амуре. Это подчёркивает остроту проблемы.

Региональным властям рекомендовано (читай – «приказано») разработать собственные региональные программы демографического развития. При этом цифровые показатели численности населения для каждого региона в 2020 г. вызывают улыбку: будут ли соответствующие задания розданы городам и районам? а, может быть, и «старшим по домам»?

Следующим после Концепции «продуктом» в плане совершенствования мер демографической политики в макрорегионе стал проект доклада Госсовету РФ «О дальнейших мерах по развитию Дальнего Востока» (июль 2017 г.), в 4-м разделе которого «Критические условия для дальнейшего развития Дальнего Востока России» демографическая ситуация признана первоочередным фактором, сдерживающим развитие макрорегиона.

¹ На конференции эта мера озвучивалась в качестве первоочередной. Она же фигурировала и в целом ряде последних опросов, касающихся Дальнего Востока [5].

В параграфе «Реализация стратегии пространственного развития России, нацеленной на освоение восточных территорий страны» доклада приведён новый фактор – формирование агломераций как решение демографических проблем, с выделением на Дальнем Востоке Приморской и Хабаровской агломераций. При этом в докладе оспаривается полезность данного инструмента для Дальнего Востока в целом. В то же время в разделах, касающихся пространственного развития всех дальневосточных субъектов (за исключением Амурской области), приведены яркие характеристики развития агломерационных процессов во всех южных и даже северных регионах.

Существенной новацией доклада можно считать «заявку» на создание нового дополнительного источника капитализации дальневосточного фонда развития, формирующегося в составе федерального бюджета за счёт ежегодного прироста налоговых и неналоговых поступлений с территории Дальневосточного федерального округа. На основе этого намечены меры поддержки демографического развития, где на первом месте стоит государственная поддержка по стимулированию рождения в семьях первого ребёнка. Во время конференции как раз она приводилась в немногих неофициальных комментариях в качестве первоочередной. Об этом свидетельствуют и результаты опросов [4]. Это говорит о пользе дискуссий на конференциях и с экспертным сообществом.

Список литературы

1. Авдеев Ю.А. Какая демографическая политика сможет оживить экономику Дальнего Востока // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2016. № 4. С. 51–61.
2. Андреева Е. Чемоданное настроение: гендиректор ВЦИОМа о том, почему амурчане уезжают // Амурская правда. № 69 (28563) от 20.06.2017.
3. Минакир П.А. В поисках пространственной гармонизации // Пространственная экономика. 2017. № 2. С. 7–15.
4. Назипова Е. Почти 60% респондентов считают предоставление жилья молодежи ключевым фактором улучшения демографии. URL: <https://minvr.ru/press-center/news/6384/> (дата обращения: 13.07.2017).
5. Щербаков Д. Отток населения выходит из-под объяснения. URL: <https://www.eastrussia.ru/material/ottok-naseleniya-vykhodit-iz-pod-obyasneniya/> (дата обращения: 22.07.2017).
6. Щербаков Д. Плюс минус население Дальнего Востока. URL: <https://www.eastrussia.ru/material/plus-minus-naselenie-dalnego-vostoka/> (дата обращения: 26.07.2017).

References

1. Avdeev Yu.A. Which Demographic Policy Can Revitalize the Economy of the Far East? *Tamozhennaya politika Rossii na Dal'nem Vostoke* [Customs Policy of Russia in the Far East]. 2016. No. 4. Pp. 51–61. (In Russian)
2. Andreeva Ye. The Traveling Mood: General Director of the All-Russian Public Opinion Research Center on Why Amur Residents Are Leaving. *Amurskaya Pravda* [Amur Truth]. No. 69 (28563). June 20, 2017. (In Russian)
3. Minakir P.A. Chinese Global and Russian Spatial Strategies: Harmonization Potential. *Prostranstvennaya ekonomika = Spatial Economics*. 2017. No. 2. Pp. 7–15. (In Russian). DOI: 10.14530/se.2917.2.007-015.
4. Nazipova Ye. *About 60% of Respondents Suppose That Providing Accommodation for the Youth is a Key Factor to Improvement of Demography*. Available at: <https://minvr.ru/press-center/news/6384/> (accessed 13 July 2017). (In Russian)

5. Shcherbakov D. *Outflow of Population Is Being Difficult to Explain*. Available at: <https://www.eastrussia.ru/material/ottok-naseleniya-vykhodit-iz-pod-obyasneniya/> (accessed 22 July 2017). (In Russian)

6. Shcherbakov D. *«Plus-Minus» of Far East Population*. Available at: <https://www.eastrussia.ru/material/plus-minus-naselenie-dalnego-vostoka/> (accessed 26 July 2017). (In Russian)

■ ■ ■ ■
Для цитирования:

Юсупов В.Р. Некоторые размышления об итогах III Всероссийской конференции «Демографическое развитие Дальнего Востока» и не только // Регионалистика. 2017. Т. 4. № 4. С. 74–82. DOI: 10.14530/reg.2017.4

For citing:

Yusupov V.R. Some Reflections on the Results of III All-Russian Conference «Demographic Development of Far East» and Something Other. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2017. Vol. 4. No. 4. Pp. 74–82. (In Russian) DOI: 10.14530/reg.2017.4

Regionalistica **[Regionalistics]**

2017 Vol. 4 No. 4

Electronic scientific journal

regionalistica.org

ISSN 2313-0881

The journal's periodicity:

6 times a year

Founder:

Federal State Budgetary
Scientific Institution
The Economic Research Institute,
Far-Eastern Branch of
the Russian Academy of Sciences
(Khabarovsk)

Registered by the Federal Service
for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass
Media. Registration certificate
Эл № ФС77-57151 of March 11,
2014.

■ ■ ■ ■
The authors are fully responsible
for the compilation and presentation
of information contained in their
papers. Authors' views may not
reflect the Editors' point of view.
Not part of the Journal materials
can be reprinted without permission
from the Editors.

Contacts:

Economic Research
Institute FEB RAS,
153, Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680042
Phone: +7 (4212) 725-225
E-mail: regionalistica@ecrin.ru

■ ■ ■ ■
Design: V.N. Ukrainsky
Making-up: V.V. Chervontseva
Issuing Editors: S.N. Leonov,
V.N. Ukrainsky

*Petrus Plancius's map (1594) is used
in design of a cover*

© The Economic Research Institute, Far-Eastern Branch of the Russian
Academy of Sciences, 2017

The Editorial Staff

Editor-in-Chief: *A.N. Demyanenko*,
Doctor of Geography, Professor

A.V. Moshkov, Doctor of Geography (Vladivostok, Russia)
S.N. Naiden, Doctor of Economics (Khabarovsk, Russia)
O.M. Prokapalo, Doctor of Economics (Deputy Editor-in-Chief,
Khabarovsk, Russia)
Yu.D. Shmidt, Doctor of Economics (Vladivostok, Russia)
Tsuneo Akaha, Professor (Monterey, USA)
Vincent F. Gallucci, Professor (Seattle, USA)
A.P. Goryunov, Ph.D. in economics (Khabarovsk, Russia)
A.A. Kireev, Ph.D. in political science (Vladivostok, Russia)
L.A. Samokhina (Khabarovsk, Russia)
V.N. Ukrainsky, Ph.D. in economics (Managing Editor,
Khabarovsk, Russia)

The Editorial Board

Chairman: *P.A. Minakir*,
Academician RAS

V.A. Kryukov, Corresponding Member RAS (Novosibirsk, Russia)
V.N. Lazhentsev, Corresponding Member RAS (Syktyvkar, Russia)
V.I. Suslov, Corresponding Member RAS (Novosibirsk, Russia)
S.D. Valentey, Doctor of Economics (Moscow, Russia)
N.V. Galtseva, Doctor of Economics (Magadan, Russia)
S.V. Kuznetsov, Doctor of Economics (Saint-Petersburg, Russia)
Yu.G. Lavrikova, Doctor of Economics (Yekaterinburg, Russia)
A.V. Ostrovsky, Doctor of Economics (Moscow, Russia)
A.I. Treyvish, Doctor of Geography (Moscow, Russia)
A.N. Shvetsov, Doctor of Economics (Moscow, Russia)